

Фридрих
НЕЗНАНСКИЙ

*Золотой
выстрел*

Марш Турецкого

Фридрих Незнанский
Золотой выстрел

«Автор»

Незнанский Ф. Е.

Золотой выстрел / Ф. Е. Незнанский — «Автор», — (Марш Турецкого)

Серия убийств общественных деятелей и бизнесменов сотрясает Санкт-Петербург. По версии следствия, во всех случаях действовал один человек — профессиональный убийца, этакий суперкиллер. Уж не вернулся ли известный Солоник? По указанию самого Президента России, дело принимает к своему производству государственный советник юстиции третьего класса Александр Турецкий...

© Незнанский Ф. Е.

© Автор

Содержание

Пролог	5
Глава первая	9
Глава вторая	16
Глава третья	25
Глава четвертая	34
Глава пятая	43
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Фридрих Незнанский

Золотой выстрел

Пролог

ИНВАЛИД НА НАБЕРЕЖНОЙ

По набережной Невы в сторону причальной стенки, где возле широких гранитных ступеней, сбегавших к воде, покачивался пустой прогулочный теплоход «Невский-21», попросту называемый речным трамвайчиком, медленно двигался инвалид на костылях.

Хотя в Петербург, можно сказать, недавно пришла настоящая весна, полдень был жарким и солнце палило совсем уже по-летнему.

Инвалид чувствовал себя неважно: пот струился по его лбу, время от времени он останавливался и, привалившись задом к гранитному парапету, подносил спичку к окурку, будто приклеенному к его нижней губе. Сделав одну-другую затяжку, инвалид двигался дальше, постукивая тяжелыми костылями и волоча правую ногу.

На нем была камуфляжная форма, которую нынче носит кто ни попадя, на голове — застиранный, когда-то, видно, голубой берет десантника. И форма и берет сидели на инвалиде неуклюже, мешковато, как на всяком непрофессиональном нищем, работающем под «афганца» либо участника первой чеченской. Волосы были нечесанные, густо прошитые седью, такой же неряшливой выглядела и нестриженная борода.

Подойдя к спуску на крохотную пристань, он остановился, огляделся и стал неловко спускаться к теплоходу, рубка которого возвышалась над парапетом набережной, надеясь, вероятно, чем-нибудь поживиться у сердобольной буфетчицы. Теплоход старой постройки, и на нем должен обязательно быть буфет для любителей продолжительных прогулок на невском ветру.

Напротив стоянки, метрах примерно в трехстах, высилось здание, выстроенное в классическом стиле — с лепным фронтоном и колоннами. Заканчивалась реставрация особняка какого-то известного графа, который переоборудовали под новую гостиницу для богатеньких буратинов и назвали вполне в духе времени — «Новый Питер». С фасада рабочие снимали строительные леса. Ветер поднимал с неубранной площади перед фасадом клубы пыли и, взвихривая, кидал в сторону Невы. Скорее всего эта пыль и была причиной того, что народ предпочитал пока здесь не появляться.

Между тем инвалид, приковыляв к борту теплохода, осторожно ступил на палубу и, скрытый высоким бортом, неожиданно ловкими, почти кошачьими движениями, прокрался к высокой рубке рулевого, сжимая костыли в одной руке и напрочь забыв о своей инвалидности. Еще миг — и он оказался бы в рубке, но... Скрипя, приотворился железный люк единственной крохотной каюты, служившей одновременно и подсобкой закрытого сейчас буфета.

Семейный экипаж частного теплохода состоял из трех человек: молодого капитана (он же рулевой), его супруги-буфетчицы и совсем еще не старого механика, папаши капитана. Сам капитан в настоящий момент находился в отсутствии, и его бойкая супружница, пользуясь случаем, охотно принимала незамысловатые ласки своего свекра, рыжего механика, упиравшись пышной, давно не девичьей грудью в упаковки с минералкой, поставленные одна на другую. Это ей вдруг почудились шаги по пустынной палубе, о чем она испуганно шепнула сопящему сзади механику.

Тот недовольно оторвался от важного дела, пятерней подхватил портки и высунул взлохмаченную голову наружу. Его глаза встретились со взглядом мнимого инвалида. С полминуты

они разглядывали друг друга, после чего механик сплюнул через борт комочком жвачки — рекламируемый по телику «дирол-вайт» определенно придавал процессу особый цимус — и захлопнул люк.

— Тебе показалось, — равнодушно сказал он, шлепком водворяя разомлевшую буфетчицу в прежнюю устойчивую позу. Она не возражала: никого так никого, — значит, просто послышалось. Тут вокруг все постоянно скрипит и стонет и вода громко хлупает за бортом старой посуды. Но мысли эти у нее были пустяковые, мимолетные, поскольку, оборванный на самом интересном, механик с ходу взял такой темп, что буфетчице стало не до посторонних впечатлений. И когда несколько минут спустя палуба стала ускользать из-под ее широко расставленных ног, Катерине почудилось, что это и впрямь рыжий механик, жарко дышащий ей в затылок, раскачивает теплоход. А вовсе не по-весеннему беспокойная Нева...

Оказавшийся в рубке человек с костылями быстро задернул на всех окнах, кроме одного, выходящего на площадь, занавески, после чего стал решительно и ловко избавляться от лишнего. А этим лишним были мешковатая и поношенная камуфляжная форма, большие, растоптанные кеды, борода вместе с париком и беретом. Все было немедленно туго свернуто и засунуто в небольшой холщовый мешок с привязанной к нему пудовой гирей, который этот светловолосый, стройный мужчина достал из угла рубки.

«Мне еще ни разу в жизни не помешало чтение художественной литературы, — с беглой улыбкой на губах подумал он, развинчивая костыли, из которых тут же извлек детали снайперской винтовки и прицельного устройства. — Как там поступал в подобных случаях знаменитый Шакал из бессмертного романа Фредерика Форсайта, более напоминающего руководство для повышения квалификации киллеров?.. Именно так Шакал и поступал», — удовлетворенно закончил он мысль, закрепляя рукояти костылей, превратившиеся в приклад и упор для стрельбы.

Затем он приспустил боковое стекло, сел на вращающийся стульчик и закурил сигарету «ява» из пачки, лежавшей на рулевой стойке.

Хотя до входа в новую гостиницу было никак не менее трехсот метров, через оптический прицел можно было четко рассмотреть замысловатые узоры на бронзовых ручках высоких входных дверей. Заказчик, поручивший финской фирме реставрационные работы, не желал видеть здесь никаких новшеств — раз здание старинное, то, значит, и весь антураж должен соответствовать. Натуральный мрамор, полированное дерево, хрусталь, бронза и соответственно усатый швейцар с галунами.

Мужчина, время от времени прижимавший глаз к окуляру, меньше всего думал обо всех этих деталях. Он был на работе. Точно так же, как и рано лысеющий сорокалетний господин, завершавший в данный момент совещание с руководством финской фирмы. Там, внутри здания. Через некоторое время он выйдет из этой высокой, украшенной бронзой двери на площадь перед гостиницей. Шагнет из темного проема в залитое солнцем пространство. И это будет его последний шаг. Так должно быть, поскольку человек, докуривавший чужую сигарету, производил лишь один выстрел.

Один-единственный...

Недаром же его так ценили!

Колебание палубы под ногами совсем не волновало его. Во время постоянных, изнурительных чаще всего тренировок он привык стрелять с раскачивающихся качелей, лежа в гамаке, прыгая с четырехметровой высоты... И всегда в стволе его оружия, пристрелянного лично, находился только один патрон. Конечно, здесь было немножечко позы, но таков уж его стиль. Своеобразный вызов судьбе, не лишенный определенного изящества. Пока промахов не случалось, а следовательно, не было и причины менять свой стиль работы.

Один выстрел. Еще его называли золотым. Он и в самом деле стоил дорого. Иногда очень дорого. Получаемые суммы этот человек никогда не пересчитывал, полагая, что отлично исполненная работа и должна добросовестно оплачиваться...

Скорее интуитивно он почувствовал невидимое ему движение за закрытыми дверями гостиницы. Аккуратно положив недокуренную сигарету на ящик у стены рубки, он взял в руки свое оружие и, выставив в узкую щель между приспущенным стеклом и оконной рамой самый кончик глушителя, навинченного на ствол винтовки, прильнул к окуляру.

Обе створки дверей распахнулись. Стали выходить люди, облаченные в синюю с красным форму строителей, в традиционных касках на головах. Сейчас должен был выйти из тьмы на свет тот, на ком судьба уже поставила свой жирный крест.

Он вышел. Невысокий, поглаживающий крупной ладонью пробивающуюся свою лысину, которой уже не дано ею стать. Он повернул голову к спутнику, собираясь что-то сказать. Но в этот миг указательный палец человека, привставшего со стульчика в рулевой рубке, мягко, но решительно нажал на спуск.

Убийца всем телом, всем своим существом ощутил, как немедленно взорвался порох в гильзе, зажатой внутри патронника, как, облегченно выдохнув, обрела наконец свободу пуля. Строго ограниченную свободу.

Мишень была слишком очевидна.

В прицел было отлично видно, как резко откинулась вбок голова человека со странной фамилией Варавва.

Привычно разбирая оружие на части и засовывая их все в тот же холщовый мешок, светловолосый мужчина размышлял, что жизнь, как, впрочем, и смерть, полна фантастических, непостижимых уму совпадений и противоречий. Было бы просто изумительно, если бы валяющийся в данный момент на розовом мраморе полированных ступеней Варавва вел отсчет своего рода от того библейского Вараввы, разбойника, которого по требованию иудейского народа помиловал римлянин Понтий Пилат. А вот он, суперкиллер, как его иногда называют, решил вопрос иначе. Точнее, если по совести, не он сам решил, решили другие, а он лишь исполнил. Но ведь и Понтий не сам принимал окончательное решение, им повелевала высшая сила. В противном случае история пошла бы иным путем...

Разумеется, его миссия поскромней, но все-таки в только что свершившемся акте ему привиделось нечто библейское, вечное.

Он никогда не жалел об однажды использованном оружии, уносившем с собой в небытие частицу и его самого. Как не мучился душой и по поводу своих мишеней. И в этом также крылась причина его постоянного успеха.

Одной затяжкой он докурил не успевшую погаснуть сигарету и щелчком выстрелил окурок в серую, грязную воду за окном.

Мешок был заполнен, затянуты тесемки. Через три-четыре минуты, когда с площади прилетят истеричные вопли милицейских и медицинских сирен, сюда, в рубку, поднимется рыжий механик со сладострастным выражением на сытой роже и отправит груз вместе с гирей на дно Невы. Только за одно это он получит тысячу баксов, которые оставлены ему в конверте, лежащем возле рулевой колонки. Ну и еще за то, что при особой необходимости он вынужден будет припомнить какого-то инвалида-попрошайку, который отирался возле его судна, пока он сам занимался любовью со своей снохой Катериной. Девка-то в самом соку, а мужик ее — точная копия рыжего механика, только помоложе, — того будто не замечает. Эх, непросты семейные дела, и кто из нас без греха?.. Да и девку жалко...

По набережной Невы в сторону от площади неторопливо уходил стройный мужчина в изящном костюме из серой немнущейся ткани, мягких замшевых ботинках и с плащом на руке.

— Ну вот и все, — негромко сказал он сам себе. И хмыкнул: — Солоник им нужен!..

В этот же день он взял такси и отправился в Петергоф, где еще ни разу не был. Устроил себе своеобразную экскурсию в великое прошлое России. После чего вкусно и сытно отобедал в дорогом ресторане, а поздним вечером возвратился в свой скромный номер в гостинице «Европейская».

Он никуда не торопился. Включил телевизор, сообщавший о городских новостях, просмотрел хронику криминальных происшествий, выслушал мнения оперативников, отвечавших на многочисленные вопросы рвущихся к ним с микрофонами журналистов. Отчасти его заинтересовало известие о том, что сегодняшнему дерзкому и, совершенно очевидно, заказному убийству придается громкий политический смысл. Оказывается, этот Варава был президентом концерна «Северо-Запад», финансировавшего партию «Солидарность трудящихся», основанную недавно группой молодых бизнесменов и политиков, оппозиционно настроенных в отношении правительства. Но все эти детали были уже совершенно неинтересны.

Проверив запертую дверь, он открыл платяной шкаф и обнаружил в глубине его кожаный кейс. Достал, поставил на стол, открыл и, не считая, просто пробежал глазами по плотным пачкам долларов, тесно уложенным в кейсе. Взял лежащий сверху конверт, уже понимая, что денег в кейсе больше, чем ему следовало получить. Значит, здесь и аванс за новую работу. Они не сомневались, что он не откажется от предложения.

Кейс он закрыл и убрал обратно в шкаф. А с конвертом в руках уселся в кресле возле настольной лампы. Закурил и только после этого вскрыл конверт.

В нем лежала фотография молодого человека с волевыми чертами лица и холодным взглядом глубоко сидящих глаз. Жесткий бобрик волос, высокий, но нахмуренный лоб, квадратный подбородок, сжатые в ниточку губы...

Сидевший в кресле отодвинул фотографию на длину вытянутой руки, приблизил, закрыл глаза, запоминая. Показалось странным сравнение данного типа лица с музейными римскими патрициями и цезарями, которых он видел сегодня в петергофском дворце.

На обороте фотографии было написано: «Генеральный директор ОАО «Северо-Запад» Каждан Вадим Петрович». И ниже цифра «100 000». Последнее являлось стоимостью очередного заказа. Отдельно на квадратном листочке значился адрес Каждана.

Прочитав его, мужчина улыбнулся: судьба снова подавала ему свой знак. Дача Каждана, где тот проживал постоянно, находилась в Петергофе.

Однако, как следовало из следующей строчки, набранной на компьютере, в настоящее время и еще в течение ближайших трех суток господин Каждан будет находиться в Москве, в Министерстве экономики. А остановился он в гостинице «Рэдиссон-Славянская». Иными словами, исполнителю предоставлялось право выбора места встречи со своим клиентом.

Для размышлений ему хватило пяти минут. После чего он решительно поднялся, разделся, принял в ванной душ, побрился и надел чистое белье. Фотография и записка возвратились в конверт, а тот лег во внутренний карман серого пиджака.

Через полчаса с небольшим чемоданчиком и кейсом в руках он спустился вниз. Пожилой администратор искренне посочувствовал гостю, срочные дела которого отзывали его в Москву, так и не дав возможности более подробно ознакомиться с достопримечательностями северной столицы. Однако же тут имелись и свои плюсы: не будет мороки с билетом. Сезон еще не наступил — и спальные вагоны «Красной стрелы» остаются практически полупустыми.

Сам же администратор после ухода приятного мужчины раскрыл книгу регистрации и вычеркнул жилья сорок первого номера Светличного Сергея Николаевича, бизнесмена из Москвы, проживающего, согласно его паспортным данным, на улице Старая Басманная, тридцать шесть, квартира одиннадцать...

Глава первая

ВРЕМЯ ОСТОРОЖНЫХ И ПОСЛУШНЫХ

Грязнов едва не опоздал на коллегию Министерства внутренних дел и теперь злился, что приходилось под насмешливыми взглядами коллег пробираться в первые ряды, поскольку задние были полностью заняты.

В последний год от обилия сидячей работы начальник МУРа погрузнел, наметившаяся было плешь превратилась в лысину, окруженную густым еще, правда, венчиком некогда рыжих волос. А очки, которые он непременно надевал, отправляясь на важные совещания, придавали его внешности серьезный и даже ученый вид.

Пока Грязнов пробирался вдоль ряда, заставляя некоторых из уже сидящих коллег подниматься, чтобы пропустить его к тому месту, откуда ему призывно махнул рукой начальник Следственного комитета МВД РФ Евдокимов, вошел министр.

Панкратов сухим кивком приветствовал сидящих в зале, как уже принято в последнее время в верхах, поздоровался за руку с двумя своими первыми замами, занимавшими места справа и слева за длинным овальным столом, и сел.

— Слышь, Вячеслав, — наклонился к Грязнову Евдокимов, — ты уже в курсе, что в Питере замочили какую-то шишку?

— В каком смысле? — шепотом спросил Грязнов.

— В смысле — замочили?

— Да нет, — шишка.

— А-а, — пренебрежительно отмахнулся Евдокимов, — им сейчас удобнее всего по каждому случаю шить политику. Совсем работать разучились... Мух ноздрей давят. Ну, я слышал, наш им сегодня выдаст.

Евдокимов кивком указал в левую сторону рядов, где сидела группа питерских руководителей Главного управления внутренних дел. Именинники, значит. Грязнов вытянул шею, чтобы разглядеть, кто приехал, и увидел Виктора Гоголева, недавно назначенного начальника Петербургского уголовного розыска. Он был на полголовы выше своих коллег. Словно почувствовав на себе взгляд Вячеслава Ивановича, Виктор Петрович медленно повернул голову, узнал и едва заметно кивнул.

Между тем Виктор Анатольевич Панкратов, с явным осуждением поглядывая на группу питерцев, говорил именно о вчерашнем убийстве президента крупнейшего в Северо-Западном регионе концерна Дмитрия Дмитриевича Вараввы, с которым, как выяснилось, был лично знаком новый, недавно избранный Президент Российской Федерации. Не требовалось большого ума, чтобы понять: весь пафос выступления министра внутренних дел Панкротова был наверняка продиктован уже состоявшимся нелегким для него разговором в кремлевском кабинете.

Далее министр, оттолкнувшись от конкретного вопиющего факта, вернулся к сводке, подготовленной аппаратом, по поводу состояния дел с преступностью. Не о борьбе с ней, а именно о преступности, как таковой. Цифры, которые он при этом приводил, были действительно впечатляющими: за последние несколько лет девять тысяч умышленных убийств, более двадцати только за прошедшие три месяца. Причем выполненных по заказу. То есть практически нераскрываемых. И вот теперь уже, перейдя, собственно, к деятельности правоохранительных органов Петербурга, министр буквально излил желчь в адрес местного милицкого руководства, обильно цитируя при этом президента. А цитаты эти, при всем умении нового президента сдерживать свои эмоции и касаться исключительно фактов, казались поистине убийственными. Или же таковыми представлялись присутствующим на коллегии в интерпретации Панкротова.

Грязнову, да и не только ему, было хорошо известно о, скажем так, натянутых, если не вовсе не приязненных отношениях нового президента с питерским губернатором Алексеевым. Они сложились таковыми еще в прежние годы, когда нынешний президент еще работал в Петербурге, а одно время даже постоянно контактировал с Алексеевым. Дальнейшие дороги, как говорится, у них разминулись, но высокая политика снова свела не то чтобы бывших врагов, но что не друзей — это точно.

Алексеев, губернаторский срок которого заканчивался в ближайшие месяцы, вовсе не собирался оставлять свой важный и в экономическом, и, разумеется, в политическом смысле пост. У президента же, если верить пиаровским слухам, были на этот счет совсем иные планы. И борьба тут, судя по всему, обещала быть весьма драматичной.

С другой стороны, не совсем понятен был в данный момент и пафос Панкратова. Ведь, опять же по слухам, вероятно не без оснований циркулировавшим в здании министерства на Житной улице, а кроме того — в Думе на Охотном ряду, не говоря уже о Белом доме на Краснопресненской набережной, нынешний министр внутренних дел и петербургский губернатор были связаны крепкой и давней дружбой. Чуть ли не учились вместе. Но слухи слухами, а вот факты — вещь упрямая. И было доподлинно известно, что во время прошлогоднего скандала, возникшего в северной столице, когда в прессу были сброшены сведения о привлечении бюджетных денег во время предвыборной кампании Алексеева, боровшегося за губернаторское кресло, не кто иной, как Виктор Анатольевич Панкратов, срочно оказавшийся тогда в Петербурге, сумел как-то повлиять на думскую комиссию, занимавшуюся расследованием этого грязного дела. После чего оно само собой и заглохло. Как было сказано, оно оказалось спровоцированным злостными измышлениями, активно распространяемыми оппонентами действующего губернатора. В общем, довольно темная история, которая на фоне происходящего в России выглядит обычными предвыборными пиаровскими играми. Пиар, как объяснил Грязнову племянник Денис, — от английского «паблик релейнз», то есть связь с общественностью. А тут — та еще связь и с той еще общественностью...

«Засоряют родную речь черт-те чем!» — возмущался Грязнов, понимая в то же время, что их маразм уже давно вторгся в российскую жизнь и, накладываясь на маразм отечественный, однажды выдаст такой букет, что кое-кому мало не покажется...

После уничтожающего выступления министра, помянувшего, по известному выражению, все и все руководство региона — вот тебе и лучший друг губернатора Алексеева! Ну просто думай что хочешь! — пришлось выступить начальнику Петербургского ГУВД, который уже понял, что дни пребывания его на генеральской должности сочтены. Речь его была вялой, оправдывающейся, констатирующей всем давно известные факты. Ничего нового или конкретного он не предложил, в основном ссылаясь на объективные трудности, как то: отсутствие средств на агентурную работу, на следственные мероприятия, даже на топливо для транспортных средств, не говоря уже хотя бы о малом повышении окладов действующим сотрудникам. Вещи не новые, всем надоевшие и решаемые, главным образом, в постановлениях, а не на практике. Одним словом, сказано было немало, а по существу — ни о чем.

Грязнов с сожалением слушал безликое и абсолютно некритичное выступление, но думал не о судьбе начальника, а о Викторе Петровиче Гоголеве, которого, под общую косу, может достать руководящий гнев. Питерскому угро тоже особо нечем было похвастаться, хотя сыщики — и это отлично знал Грязнов по собственному опыту — там работали практически на износ. А что касается заказов, то тут вовсе нет никакой необходимости иметь семь пядей во лбу, чтобы понять, что все громкие убийства последних лет являются в той или иной степени результатом криминальных разборок, в которых участвуют уже не просто воры в законе или криминальные авторитеты, а бери гораздо выше — большой бизнес, не успевший переделывать якобы бесхозную государственную собственность, и государственные чиновники, оседлавшие

такой высокий уровень, до которого иному сыщику и в жизнь не добраться... Вот Витьку будет жалко.

Однако вопреки ожиданию большинства присутствующих на министерской коллегии никаких незамедлительных оргвыводов Панкратов делать не стал. Напротив, будто проникшись безмерными заботами питерских товарищей, он снизил тональность разноса, подведя общий смысл жесткого разговора к тому, что, по мнению президента и его собственному, питерцам придется очень много поработать, чтобы восстановить к себе доверие и лично президента, и Министерства внутренних дел.

Опять, значит, общие слова... Гора родила мышь... Нет, сказал в завершение министр, прежде чем перейти к другим вопросам, помощь питерцам будет несомненно оказана. По указанию генерального прокурора, с которым министр имел встречу накануне, в Питер будет направлена бригада следователей из Генпрокуратуры, которые и покажут местным кадрам, как надо работать в современных условиях, когда почти повсюду в стране идет процесс сближения криминала с госчиновничеством на политической и экономической основе.

Грязнов дождался Гоголева в вестибюле здания министерства. Виктор был мрачен.

— Ты хоть пообедаешь-то успел? — спросил Вячеслав.

— Да когда?.. — отмахнулся Гоголев. — Ну как тебе наш?

— Молочный кисель. — Грязнов с детства ненавидел это блюдо. — Но, видно, все-таки попал в нужную струю. Не стал обострять и вроде бы даже принял все обвинения в свой адрес, хотя ни в одном не признался. Это, брат, большая наука, нам с тобой не по плечу.

Гоголев с сомнением посмотрел на приятеля, но промолчал.

— Надеюсь, у тебя на вечер никаких мероприятий не запланировано?

— Мы уезжаем «Стрелой», — ответил Виктор Петрович.

— Тогда плюй на свое начальство и поехали обедать, — решительно предложил Грязнов. — Если будут вопросы, скажешь, что проводил консультации с коллегами из МУРа. А я подтверждаю...

Отправились традиционно в «Узбекистан», где у Грязнова был кабинетик, в котором можно было говорить о чем угодно и в абсолютно спокойной обстановке. Ну а кроме всего прочего, еще и кухня! Та еще, настоящая, из славного социалистического прошлого.

По дороге Виктор спросил:

— Так чем же тебе понравилось выступление нашего генерала?

— А разве я сказал, что понравилось?

— Тогда я не понял?..

— Мы поговорим... — Грязнов кивнул на шофера Мишу.

Обсуждать руководство в присутствии подчиненных, даже тех, кому веришь, начальник МУРа не считал необходимым. Любой человек слаб, а формула: «Слово — не воробей, поймает — вылетит» — была как нельзя более актуальна. Гоголев посмотрел на Вячеслава Ивановича и усмехнулся.

— Помнится...

— Все было, Витя, — глубокомысленно изрек Грязнов. — А я чем дольше живу, тем вынужден все чаще прислушиваться к словам нашего общего друга Сани Турецкого, да, впрочем, и собственного племянника Дениса. Кажется, снова приходит время осторожных и послушных. Понятна формулировка?

— Еще как... Да, видимо, ты прав. Это что, новые веяния?

— Похоже, грядут изменения. Но в них мало кто верит, хотя и надеются.

— У нас тоже идут такие разговоры. Точнее, возникают. Все же он из наших.

— Угу, — пробурчал Грязнов, понимая, что Гоголев говорил о новом президенте, имевшем самое непосредственное отношение к силовикам, возглавляя одно время Федеральную

службу безопасности. Будет очень жаль, если вес, который заказывает себе штангист, выходя на помост, окажется ему не по силам.

— Ну у него вроде другой профиль! — засмеялся Гоголев.

— Все так. Но чтоб выкинуть с татами тот груз, что достался в наследство, требуется не только умение, но и мужество. Дзюдо переводят как «благородный путь»... Не знаю, не знаю...

— Считаешь, для России рановато?

Грязнов не ответил, лишь пожал плечами. На этом их эзопов диалог закончился. А возобновился разговор уже в новом качестве за столом в закрытом кабинете ресторана «Узбекистан».

— Мне сегодня наш главный следак сообщил о какой-то шишке, упавшей в ваших краях, — начал Грязнов, когда взяли по рюмочке и утолили первую потребность в закуске. — Валил, между прочим, на политику. Это так? И что, это в самом деле чувствительный удар по нашему новому?

— Насколько я разбираюсь в колбасных обрезках, Слава, некая связь тут имеется. Но настолько отдаленная, что, видно, кое-кому пришла идея блефануть: а ну как пройдет! Как я понимаю это дело, наш питерский триумвират — я имею в виду тех, у кого в городе и вообще регионе на сегодняшний день в руках реальная власть, — начал зачистку перед очередными губернаторскими выборами. В этом вся соль. Дима Варавва сильным противником не был, но у него были деньги. И наверняка побольше, чем у нашего губернатора четыре года назад. Включая и те бюджетные, которые Алексееву в конце концов удалось списать. Не без московской помощи, разумеется. Ты знаешь, о ком я.

— Догадываюсь.

Гоголев не назвал фамилию Панкратова, но и без этого было понятно, что речь шла именно о нем. Неприятное это чувство — уличать собственное начальство в бесчестности. Но, к сожалению, такие понятия, как коррупция, в российском Уголовном кодексе отсутствуют, следовательно, и ненаказуемы. Поскольку мы все еще играем в ту демократию, которая к подлинной имеет такое же отношение, как... ну, к примеру, гуманизм к расстрелу Дома Советов... Ставшего затем презрительным БэДэ, а позже — холуйским Белым домом.

Почему-то все чаще в последнее время вспоминались те трагические дни конца девяносто третьего, возникали из небытия его «герои», быстро и ловко сменившие свою расчетливую политическую принципиальность на успешный и вовремя приватизированный бизнес. Отдаленным уже эхом разносил эфир визгливый голос благополучной и «всемирно любимой» актрисы, требовавшей раздавить гадину. Это про депутатов Верховного Совета, про соседей, иной раз даже по лестничной площадке...

И вот, кажется, подходила к концу эпоха бандитского передела, все реже стали ссылаться на тот исторический факт, что-де и Америка в свое время прошла подобный этап, после чего дети морских пиратов и придорожных разбойников становились благопристойными джентльменами, сливками общества. Да и о чем, собственно, говорить, если российские нувориши от криминального бизнеса успели уже освоить райские кущи Лазурного побережья, а их отпрыски вполне сносно чувствуют себя в разных Гарвардах и Оксфордах...

Все так. Никто, кстати, не собирался всерьез поворачивать историю вспять, но очень не хотелось бы новой крови, с которой в России начинается каждая новая эпоха. Однако для спокойствия нации требовалось жесткое слово, был необходим решительный жест. И ждали его от только что избранного президента, поскольку от предыдущего так ничего и не дождались. А у нового лидера страны было одно, но важное преимущество перед добрым десятком его конкурентов, рвавшихся на самый верх: он был для большинства политтусовщиков темной лошадкой, однако сам полностью владел информацией. Он был из «своих».

Так размышляли Грязнов с Гоголевым, может, и невеликие политики, зато высокие профессионалы в своем деле, сыщики до мозга костей. Гоголев же еще крепко надеялся и на то,

что с помощью президента в бывшей его, как говорится, вотчине будет наконец наведен порядок и Питер перестанут именовать криминальной столицей России.

От большой политики, без которой нынче не обходится ни одно застолье — еще одна сугубая черта российского характера, — перешли к частностям. Грязнова интересовала в чисто профессиональном плане последняя заказная акция в Петербурге. Некоторые детали, что во время коллегии нашептало на ухо Евдокимов, указывали на то, что заказ выполнен профессионалом экстра-класса.

Виктор Петрович подтвердил: действительно, был произведен один выстрел. Предположительно из снайперской винтовки. С довольно приличного расстояния. Не оставлено решительно ни малейших следов.

— Короче, Слава, если бы я не знал, что известный Солоник перешел в мир иной, я бы не сомневался, что это его работа. Его почерк.

— А ты лично видел его труп? — с иронией поинтересовался Грязнов.

— Нет, но...

— Вот и я не видел. А русский мужик, к которому я с удовольствием отношу и себя, пока не пощупает, не поверит. Неплохое, кстати, правило.

— Однако имеются свидетельства!

— Чьи? Греческой полиции? А они что, не люди? Им вполне хватает своей зарплаты? Но даже если мы примем гибель Солоника за данность, то почему бы не поставить вопрос несколько в иной плоскости? Например: да, был такой уникальный парень. Однако его мастерство не божий дар, а результат настойчивых тренировок. Плюс соответствующие физические данные. Разве все это, вместе взятое, невозможно повторить? И вот находится человек, полностью соответствующий Солонику по всем параметрам. Что дальше? А дальше легенда продолжается. Кумир возвращается. Как тот бессмертный Фантомас.

— Игра в двойников?

— И это тоже. Но давай подумаем о психологическом факторе. Если, скажем, новоявленный киллер работает под Солоника, сохраняя и, возможно, даже подчеркивая, как ты говоришь, его почерк, то и мы вполне можем сделать для себя какие-то выводы. К примеру, мы уже знаем, как работал Саша Македонский. Как ему обеспечивали подход к объекту. Как он выглядел и какие способы мимикрии предпринимал. Мы многое теперь знаем. Конечно, я не уверен, что твой — как его там? — Варавва, стал жертвой именно Солоника, но кому-то этот образ не дает покоя, и тогда киллер, присвоивший себе стиль, будем считать, покойного супер-киллера, должен невольно повторить и его ошибки. О которых знаем мы, но совсем необязательно, что знает он, этот новый убийца. Понятна мысль? Или же все мои построения ни к черту.

— Не скажи, тут есть... есть, Слава. Надо будет еще разок поглядеть, понюхать. Спасибо за совет. А ты не в курсе, кому будет поручено расследование? Кто возглавит оперативно-следственную группу?

— Ну да, — засмеялся Грязнов, — тебе, разумеется, Саню подавай! Спелись!

— При чем здесь это? Я в том смысле, что если Панкратов имеет в виду варяга, то лучше Турецкого не придумает. Ты бы, между прочим, сделал добро своим питерским коллегам, заглянул бы к Меркулову. Подсказал, что ли. Я так понимаю, что мимо Константина Дмитриевича такие вопросы не проходят.

— В конечном счете решение будет принимать он, как зам генерального по следствию. А вот что касается Сани, тут не знаю, честное слово. На нем висят два или три тухляка, и он, по-моему, даже захандрил по этой причине. А когда Александр Борисович хандряет, можешь себе представить, что это такое!

— И Константин Дмитриевич разрешает ему это дело? — засмеялся Гоголев.

— У Меркулова своя точка зрения. Он считает, кому много дано, с того много и спросится. И навешивает на Саню новые и новые тухляки. Как лучшему другу.

— Вот уж воистину: избави Бог от друзей, а с врагами мы и сами как-нибудь... Но данная ситуация, скажу тебе, Вячеслав, лично для меня плюсовая, поскольку этот киллер сделал свое дело чисто. Практически не оставил следов и свидетелей. А шишка, как ты его называешь, то есть Дима Варавва, даю голову на отсечение, убит по политическим мотивам. Он мешал нашему триумvirату. Поддерживал финансово болдинскую партию. Мог стать, да и стал бы непременно, главным соперником нашего нынешнего Алексеева.

— Слушай, друг ты мой, — оживился Грязнов, — уж не хочешь ли ты заявить, что это губернатор Алексеев с помощью лучшего друга министра МВД Панкратова потихоньку расправляется со своими будущими конкурентами в политике?

— Не знаю, что говорят тут у вас, какими сведениями пользуетесь, а у нас, в Питере, по данному поводу давно уже пришли к общему знаменателю. Если хочешь однозначно, то — да.

— Откуда такие сведения, если не секрет?

— Да какой секрет? — поморщившись, отмахнулся Гоголев. — Чем у нас кончаются все министерские проверки, знаешь? А ничем! Потому что накануне, как говорится, разбора полетов из Москвы раздается телефонный звонок от господина Панкратова, и после этого все выводы проверяющих выглядят с точностью до наоборот.

— Но он же все-таки министр, — с упрямой улыбкой возразил Грязнов. — А потом, где ты видел указ об отмене телефонного права? Он же, поди, не приказывает, а советует? Ибо обладает куда большей информацией, чем все эти комиссии, вместе взятые. Да и к тому же с самого-то верха ему наверняка видней? И еще добавлю: если комиссии так легко соглашались с мнением министра, значит, скорее всего, у них самих были на этот счет большие сомнения. Которые можно трактовать и так, и этак. А в подобных ситуациях всегда побеждает целесообразность, верно? Не мне тебе это говорить.

— Странный ты какой-то, Вячеслав, — после небольшого раздумья заметил Гоголев, настроение у которого заметно ухудшилось. И так уж не блистало, а теперь вообще, что называется, дошло до нуля. — То ли дурака валяешь со мной... То ли дошлым стал. Изворотливым...

— Ха! — словно обрадовался Грязнов. — Заметил? Я ж тебе с самого начала сказал: это, брат, большая наука! Стены собственным лбом таранить не велика честь. А ты лучше прикинь, поставь себя на место того же Панкратова. Или, на худой конец, Алексеева. Опять же прикинь не слова, которые говорят на совещаниях типа сегодняшнего, а хотя бы некоторые дела, да хоть и свои собственные. Вот скажи, тебя нынче часто вызывают наверх и дают ценные указания, а? Ведь забыл уже, что это такое!

— Да разве только в этом дело!

— Ты знаешь, Витя, я вообще стараюсь ни в каких разборках не участвовать, тем более министерских. Почему? Да потому, что пахнут они... непристойно. Мягко выражаясь.

А вот теперь захохотал Гоголев.

— Ну Грязнов! — разводил он руками. — Ну оторвал! Это ж надо! Непристойно! Откуда слово-то такое выкопал? Из какого словаря? Скажи кто, ни в жисть бы не поверил! Чтоб Грязнов и — непристойно!..

— Во! — воскликнул Вячеслав. — Теперь ты наконец, кажется, стал понимать. Все меняется, Витя. И мы тоже меняемся. Но ты так и не ответил, из каких источников черпаете информацию?

Гоголев помолчал, успокоился. Они налили по рюмочке, чокнулись, выпили, стали закусывать. И только после длительной паузы Виктор Петрович вернулся к вопросу Грязнова. Внимательно посмотрел на своего старого товарища и сказал:

— Тебе как другу... Но строго между нами. Я сегодня был у Латникова...

Произнес он это так, будто разговор с первым заместителем министра внутренних дел, курирующим, в частности, и уголовный розыск, был явлением необычным и, более того, весьма значительным.

— Ну и что? — Грязнов явно не разделял этой значительности.

— Ты вообще-то с ним знаком?

— Вижу на совещаниях. А тебя что, после беседы с ним обуревают возвышенные чувства?

— Не ерничай, Слава, — не принял легкомысленного отношения Грязнова Гоголев. — Скажу тебе честно, я в первый раз увидел толкового, умного человека.

— Ну уж ты скажешь! — протянул Грязнов. — А я что же? А тот же Турецкий? А ты вообще хоть иногда в зеркало смотришь?

— Да ну тебя к черту! — не выдержал Гоголев. — С тобой же ни о чем нельзя поговорить серьезно... Нет, в данном случае я готов отвечать за свои слова. А речь у нас, между прочим, шла об очень важных вещах.

— Примера не жалко?

— Ну, во-первых, в ближайшее время возникнет несколько громких процессов...

— Опять, что ли, на олигархов бочку покатыт? — с иронией спросил Вячеслав.

— Ну вот видишь, сам, оказывается, знаешь.

— Да не знаю я, честное слово. Просто мне давно уже все это обрыдло. Популизм этот...

Ну а еще чего он сказал?

— Ты, я смотрю, относишься к Латникову не очень, да?

— Витя, дорогой ты мой, я не знаю, как вам видно из Питера, но у меня твердое убеждение, что Валентин Евгеньевич Латников давно и небезуспешно рвется в Белый дом, ну на худой конец и главный кабинет на Житной тоже не помешает. А отсюда и честность, и неподкупность, и особая доверительность в разговорах с людьми, подобными нам с тобой. Поди, предваряя итоги сегодняшнего совещания, предупредил: мол, не тушуйтесь, работайте как работали, на вас наша главная опора... Так?

— В общих чертах, — неохотно согласился несколько обескураженный Гоголев.

— Эх, Витя, друг ты мой старый!.. Уж какие мы с тобой стреляные волки, а все маху даем. Все на что-то надеемся... Вот придет новый барин, он рассудит. Он всем сестрам по серьгам. Не надоело?

— Значит, ты считаешь, что я зря?..

Грязнов лишь пожал плечами: мол, понимай как пожелаешь... Больше они в этот вечер о делах старались не говорить, найдя иные темы для беседы — о прошедшем еще одном лете, о семейных делах Виктора и племяннике Вячеслава, который весьма успешно развивал деятельность агентства «Глория», основы которого заложил еще сам Вячеслав Иванович. К большой политике они не возвращались. Каждый остался при своем мнении. Грязнов не поколебал убеждений Гоголева относительно заместителя министра Латникова, а Виктор Петрович не стал дальше убеждать Вячеслава в том, что замена Панкратова Латниковым — это, пожалуй, единственное, что может действительно привести к реальным переменам в их ведомстве. А возможно, и в обществе. Ведь прав же Валентин Евгеньевич, говоря, что пора дать по рукам зарвавшимся олигархам и высокопоставленным чиновникам, тесно окружавшим прежнего, немощного президента и полагававшим, что их статус-кво не изменится. Да и потом, должен же кто-то конкретно помочь новому лидеру сформировать свое отношение к навязанному, по сути, окружению? А то что-то уж больно долго он молчит, не высказывается, словно ждет чего-то. Что же касается сегодняшнего выступления министра, то оно, скорее всего, является отражением нечеткой, двойственной политики самого министерства — и нашим, и вашим. Не более. Оттого и беззубое. Хотя и крикливое...

Глава вторая

ЗАКАЗ НА КИЕВСКОМ

Сергей Николаевич Светличный действительно проживал в Москве на Старой Басманной улице. Но и в РЭУ, и соседи по лестничной площадке знали, что Серега двухкомнатную квартиру свою сдает за доллары какой-то сомнительной семейной паре беженцев из Азербайджана, а сам проживает где-то на даче под Москвой, которая ему неожиданно досталась по наследству от помершей тетки. Дача, по словам того же Сереги, была зимней, со всеми возможными в сельских условиях удобствами, то есть душ и сортир во дворе, а дрова для печки сложены вдоль стенки старого сарая загодя. Вода соответственно из персонального колодца, вырытого, кажется, еще до войны, в конце тридцатых. Ничего более конкретного никто не знал. Кстати, и сведения насчет оплаты в долларах были почерпнуты из разговоров бабулек на лавочке у подъезда, толком-то кто скажет? Ведь сразу, поди, такой налог накатят, что жилье себе дороже обойдется.

Обо всем этом был в курсе светловолосый мужчина, в кармане которого лежал подлинный паспорт Сереги Светличного. Именно подлинный, тогда как сам хозяин владел всего лишь дубликатом, выданным ему взамен украденного, — так он написал в заявлении в отделение милиции, хотя на самом деле потерял документ по пьянке, но за утерю следовало платить штраф, а так он отделался выговором начальника паспортного стола. В оригинале, выданном еще при советской власти, были две фотографии Сереги — восемнадцатилетнего и когда ему исполнилось двадцать пять. Сейчас ему хорошо за тридцать, хотя выглядит он достаточно молодо, однако любой придирчивый взгляд вряд ли бы обнаружил некоторое несходство основных параметров лица фотографии в паспорте и у нового владельца паспорта. Со временем, известно, выражение лица меняется, грубеют черты, поэтому для серьезного анализа необходима довольно сложная экспертиза. А с чего бы вдруг в обычной жизни возникла в ней необходимость?... Похож, и ладно.

А владелец паспорта был действительно похож на Сергея Николаевича Светличного. Собственно, это обстоятельство и продиктовало в свое время необходимость «утери» документа его прежним хозяином. И, зная теперь о нем практически все основное, новый Сергей мог не беспокоиться за собственную судьбу. Просто надо быть постоянно в курсе дел оригинала и не пересекаться с ним. Поскольку такое «пересечение» определенно стоило бы подлинному Светличному жизни. Но пока в ликвидации того не было острой необходимости.

Итак, новый Сергей Николаевич прибыл в Москву и прямо тут же, с соседнего вокзала, отправился на электричке в Кратово, что по Рязанке. Там, на Первомайской улице, он круглый год снимал часть дачи. Дом стоял в глубине старого, заросшего лопухами сада, имел два выхода: один для старичков-хозяев, а другой — для жильца. Хозяева были людьми спокойными и нелюбопытными, им было в высшей степени наплевать, чем занимается симпатичный и одинокий молодой человек, снимающий у них две утепленные комнаты с верандой, лишь бы вовремя платил за жилье да шумных компаний не водил. А уж они сами следили, чтобы в ведре постоянно была свежая вода, а в комнатах тепло от печки, которую они топили со своей половины дома.

Дачное жилье тоже соответствовало легенде Светличного. Но главное заключалось в том, что практически ни один человек, с кем был связан делами Сергей Николаевич, не знал о нем. Способ же связи был прост, как и все нынче в этом мире. Молодой человек, сидящий на телефоне и представляющийся менеджером Акимовым, записывал сообщения для Сергея Николаевича, а сам Сергей Николаевич звонил раз в сутки и оставлял свои распоряжения,

которые касались в основном места и времени встречи для обсуждения условий каждой новой работы.

Зная, что дома его обед не ждет, Сергей Николаевич сошел с электрички в Быкове и отправился неспеша в аэропорт. Погода стояла прекрасная, не холодная и не жаркая, ходу было минут пять-семь, зато там и хороший ресторан, и московский телефон.

Не предполагая еще, как сложится день, он плотно пообедал и под кофе выпил пару рюмок коньяку. И вид у него был как у всякого благополучно завершившего свои московские дела и покидающего столицу провинциального бизнесмена средней руки, то есть при деньгах, но без особых претензий.

Затем он посмотрел на свои часы: приближалось время ежедневной связи, если, конечно, не случалось форсмажорных ситуаций.

Из уличного телефона-автомата Сергей Николаевич набрал нужный номер. Менеджер Акимов был у аппарата. И записал сообщение, что для проведения сантехнических работ в гостинице «Киевская», что расположена возле одноименного вокзала, сегодня вечером потребуются двое подсобных рабочих.

Следующий звонок был сделан из соседней телефонной будки. Приезжий звонил старому приятелю дяде Вите. Просьба была обычной: опять потребовался кое-какой инструмент. А дядя Витя слыл знатным умельцем: металл в его руках творил чудеса.

Старик понял, о чем шла речь, и пригласил звонившего посетить его, ну скажем, да хоть и завтра, прямо с утречка, чтоб потом весь день зря не пропадал.

А проживал дядя Витя неподалеку, в поселке Ильинская, где и работал слесарем при заводике, выпускающем минеральную воду. Владел слесарь большим, старым уже домом, к которому был пристроен кирпичный сарай, он же механическая мастерская. Дядя Витя в просьбах никому из соседей не отказывал, если случалась нужда по металлической части: ключ там потерял, у чайника наследственного серебряный носик отпаялся, самовар ли сгорел, — все шли к дяде Вите, не встречая отказа.

Но подлинной и главной страстью старика было оружие. Правда, знали об этом считанные единицы. Сергей Николаевич знал. Он каждый раз сам привозил нужный ему для работы карабин, пистолет, либо «калаш» и просил дядю Витю «дотянуть» оружие. А у дяди Вити по каждому очередному экземпляру возникали уже и свои соображения. Короче, проект обсуждался, после чего мастер засучивал рукава, а спустя некоторое время Сергей Николаевич получал, по сути, уникальный инструмент для одноразового использования. Для выполнения заказа. После чего оружие или тщательно хоронилось, или оставлялось на месте исполнения заказа — словно в насмешку над нерадивыми ментами, только разводящими руками после очередного заказного убийства.

Дядя Витя не оставался внакладе, редко тиражируя свои изобретения. Его оружие стоило дорого, но оно и стоило того. Зарабатывая на одном этом, старый мастер мог себе с легкой душой позволить проявлять подлинное бескорыстие в отношении всех этих хозяев старых кастрюль и самоваров, слывя человеком добрым и безотказным.

Вернувшись на дачу, Сергей Николаевич зашел к хозяевам, сообщив, что прибыл из очередной командировки. Бабке вручил кулек дорожных трюфелей, купленных в буфете аэропорта, а старику — бутылку «смирновской», пусть погудит маленько. После этого он ушел к себе, переоделся, взял в сумку все необходимое и отправился в Москву, на Киевский вокзал, для рекогносцировки.

С «подсобниками» он встретился в вестибюле гостиницы «Киевская» точно в назначенное время. Втроем они, переодевшись в припаркованном у гостиницы микроавтобусе в голубую униформу вокзальных носильщиков, обошли весь вокзал, который в связи с очередными обострениями чеченских событий, как и прочие многолюдные общественные места, был насыщен милицейскими. Огляделись, прикинули, отметили, что с некоторых точек отлично про-

сматривались подходы и подъезды к «Славянской», а также гостиничные автостоянки. После чего вернулись в микроавтобус, снова переоделись. «Подсобники» получили — каждый свое — задания от Сергея Николаевича, с чем он и отпустил их. Следующая встреча должна была состояться завтра утром в кафе на Большой Дорогомиловской.

Один из помощников отправился в «Рэдиссон-Славянскую», чтобы выяснить буквально все о постояльце из Петербурга господине Каждане: в каком он номере, куда выходят окна, каков распорядок дня, когда выезжает, на чем, кто сопровождает и все остальное, что имеет решающее значение при выполнении заказа.

Второй — специалист по оружию — отбыл в своем микроавтобусе к посреднику, осуществляющему поставки необходимого вооружения. Он был страшный жучила — тот сукин сын, поставщик, но зато и выполнял практически любой заказ буквально в считанные часы. Он жил и работал под Москвой, служил в воинской части. Сергей однажды встретился с ним, в начале своей работы, и понял, что с этим жучилой по кличке Майор можно сотрудничать. Тем более что он имел крепкую «крышу» где-то в военных верхах.

Оглядев место будущего действия, Сергей заранее продумал, что ему понадобится, сделал заказ и выдал соответствующую сумму «подсобнику». Оружие он всегда приобретал сам, сам следил за его подгонкой, а после без жалости оставлял. Профессия требовала.

Покончив с основными делами, он решил наконец, что может немного подумать и о себе. Наугад среди возможных кандидатур выбрал Алену Перовскую и позвонил ей. Алена считала себя актрисой, была очень неплохо сложена, не ленива, но пока призвание свое могла как-то реализовывать, работая на подпевках у какого-то — Сергей Николаевич не интересовался — очередного эстрадного монстра. Хорошо выглядела, сексуально двигалась и что-то мурлыкала в микрофон типа: «Ай-я-яй, ой, ой!» А вообще говоря, Алена была персонажем известного старинного анекдота о парадоксах.

Один приятель говорит другому, что вчера пообедал сырокопченой колбасой, плохо себя почувствовал, а врачи поставили диагноз «отравление рыбой». «Во-во! — подхватывает второй. — Аналогичный случай в нашем подъезде. Папаша — академик, мамаша — доктор наук, а дочь — блядь! Ну не парадокс?»

Так вот, отец Алены был и в самом деле крупнейшим в прошлом филологом, академиком, а мать — самым настоящим доктором медицинских наук. Но теперь они были очень стары и почти ничего не слышали. Чем, собственно, и пользовалась дочь, устраивая в своей комнате бурные оргии, пока ее заслуженные родители обсуждали перед телевизором политические новости. В жизнь дочери они предпочитали не вмешиваться, абсолютно не понимая нынешнюю молодежь.

Алена оказалась дома и даже обрадовалась звонку симпатичного провинциального бизнесмена, изредка навещающегося в столицу, не жлоба, умеющего и оторваться, и подходящий интим создать. Алена вечером не работала, что вполне устраивало Сергея Николаевича, который отнюдь не собирался возвращаться ночевать на дачу. А не работала она по той причине, что неожиданно — надо же, и погода хорошая! — охрипла, похоже простудилась. Поэтому и голос у нее был сипящий, надтреснутый. И это тоже устраивало Сергея Николаевича — он предложил радикальный способ лечения: горячий коньяк и секс, после чего ее гланды станут как новенькие. Она поняла намек и хрипло захохотала, откровенно обещая приятному московскому гостю великолепную расслабуху.

А расслабиться было необходимо. Все-таки его утонченное ремесло требовало всякий раз немалого нервного напряжения, как он это ни скрывал от самого себя. В частности, если ему во время работы приходилось с кем-то иметь контакт, он старался всегда знать о своем вольном или невольном помощнике как можно больше, чтобы иметь в виду его слабости.

Вот и в последнем петербургском деле, когда ему пришлось выйти на пароходного механика, он без особого труда выяснил наиболее уязвимую деталь его биографии. И увидел, что

деталь эта обладает щедрыми и далеко не девичьими формами и смотрит на неформальные отношения со своим свекром весьма положительно, и активности ее мог бы только позавидовать муж, ни ухом ни рылом не ведающий о странностях своей семейной жизни. Просто заботливый папаша-механик, когда его припекало, ставил посудину к причалу, отправляя сына разбираться с транспортным начальством по разным существенным и несущественным поводам. Живут же, однако, люди...

Словом, вовремя и по существу дела брошенный намек вмиг превратил туповатого механика в послушного помощника, который всего лишь за отсутствие любопытства получал целую тысячу долларов. Ради этого стоило и посудину в указанное место поставить, и сынка подальше отослать, и внимание снохи сосредоточить исключительно на самом для нее важном и полезном.

В конце концов, когда еще выпадет такая удача! А ведь всего и делов-то — помалкивать да девку шуровать в свое удовольствие...

Разбираясь в человеческих слабостях, Сергей Николаевич невольно и сам испытывал возбуждение, которое, впрочем, не мешало работе, но которое требовалось время от времени гасить. Известным и испытанным способом. Одним из таких способов лучше других владела Алена Перовская, парадоксальная девушка, до которой конечно же очень далеко любвеобильной простушке с неевского теплоходика. И он, не теряя лишних минут, отправился на старый Арбат, где в таком же старом профессорском доме его ожидал кратковременный отдых перед новой работой.

...Вечеринка, как назвала Алена очередную встречу со щедрым, хотя и редко посещающим ее любовником, удалась. Как все очень энергичные люди, следящие за своим здоровьем, он проснулся рано, а все необходимые гигиенические процедуры, включая душ и бритье, не заняли у него и получаса. После чего, уже на ходу выпив чашку кофе со сливками, он покинул ее — легкий и приятно опустошенный. Уж она-то постаралась от души. Нет, приятный парень, хотя несколько замкнутый. А в общем-то совсем уже и не парень, а вполне зрелый и знающий себя мужчина, естественно эгоист, как, впрочем, все они, имея в виду прежде всего собственное удовольствие и меньше всего думая, что при этом чувствует женщина, партнерша.

Алена была женщиной трезвой, прекрасно знала свои возможности и достоинства. Достаточно разбиралась она и в мужчинах. Поэтому не видела ничего необычного в эгоистической требовательности Сережи, это у них, у мужиков, с возрастом проходит. И тогда они становятся сами уже послушными, как котята, и приторно ласковыми. Тогда из них хоть веревки вей. С Сережей до этого, конечно, было еще далеко, он слишком заметно уважал себя. Поэтому всегда платил ей за доставленное удовольствие более чем щедро. И делал это без навязчивости и подчеркнутого своего мужского превосходства. Да вот хоть и вчера...

Явился будто с дипломатического приема — холеный, выглаженный, с букетом дорожных испанских роз. С любимым его «бифитером» в сумке. Обычно скупой на информацию о собственных делах и бизнесе, он с интересом, причем не показным, а искренним, стал расспрашивать ее о проблемах, которых, разумеется, у всякой красивой женщины всегда навалом. Как бы между прочим заметил, что в последнее время, кажется, и его собственные дела пошли в гору, а следовательно, он без всякого ущерба для своих финансов может немножко стимулировать и ее потребности. Без навязчивости и даже, похоже, не считая, положил на ее туалетный столик пачку баксов и тут же забыл о ней. Она позже пересчитала купюры: две тысячи долларов стоили того, чтобы хорошо постараться.

Да, все было проделано с достоинством и красиво, но Алену невольно настораживала и даже томила некоторая словно бы недосказанность. Ну да, провинциальный бизнесмен, если это действительно так, как он говорит. И дела устроились как нельзя лучше. И баксы захрустели. Впрочем, они у него всегда, сколько она помнит, хрустели в кармане. И тем не менее что-то было в их отношениях нарочитое, придуманное. Будто железный распорядок дня у

школьного отличника: завтрак, обед, ужин, время на уроки, на то, на се — ни минуты лишней. И наконец Алена поняла, в чем дело: в их взаимоотношениях не было одного — души! Все остальное было, а вот душа отсутствовала. И если у Алены, случалось, возникали какие-то мысли, а точнее, виды на Сережу, то теперь она отчетливо поняла: надо либо все оставить как оно есть — то есть нечастые свидания, насыщенные физическими упражнениями, вежливая оплата затраченных усилий и — баста, либо иное устройство жизни, в которой провинциальному бизнесмену места не будет. Но не будет также и баксов на подзеркальнике. Дилемма для современной думающей женщины достаточно нелегкая...

Проводив своего кавалера и закрыв за ним дверь, Алена вернулась к окну, выходящему на старый Арбат, еще пустынный в этот ранний утренний час. Она увидела Сережу, вышедшего со стороны Староконюшенного переуллка, — высокого, элегантного в туго перетянтом, длинном светлом плаще. Уверенным жестом он остановил какую-то важную иномарку, на миг склонил голову к окну водителя и затем, спокойно обойдя машину вокруг радиатора, уселся на переднем сиденье с таким видом, будто эта сверкающая иномарка была его собственной. Действительно, деньги делают людей уверенными и неторопливыми, запоздало подумала Алена, задерживая занавеску, ибо собиралась еще как минимум два-три часа поспать: ночная работа изнурила ее, а вот ему хоть бы хны. Встал, подпоясался, и был таков. За что же Господь опускает женщин до уровня вещей, полезных здоровью, но отнюдь необязательных?..

Их мысли были схожи. Как раз об этом мельком подумал и Сергей Николаевич, направляясь на Казанский вокзал: дядю Витю лучше всего было брать с раннего утра, пока к нему не зачастили нуждающиеся в мужской руке соседки и пока производственные нужды не увели его в цех. А мысли его сводились к тому, что Алена удобна во всех отношениях. Была. И до сих пор. Потому что нынче ночью он увидел, точнее, вдруг почему-то обратил внимание на ее взгляд. Большие глаза ее, блестящие отраженным светом арбатских фонарей, показались болезненно просящими чего-то неведомого ему. Может, какой-нибудь особой откровенности? Но это же чушь! Или ожидания чего-то невероятно важного в ее жизни? А вдруг бабе просто замуж приспичило?! Быт свой решила окончательно устроить, имея в уме его шальные заработки... Надоело девушке от случая к случаю, захотела постоянно? Нет, это не для него. Возможно, с кем-то другим у нее и получится, но никак не с ним. Значит, как это ни грустно, придется с Аленой завязывать. А жаль, ведь именно с ней он и почувствовал однажды огромное удовлетворение и облегчение сразу после выполнения очередного заказа.

«Что ж, однако, поделаешь? — сказал сам себе Сергей Николаевич, доставая из бумажника пятьдесят долларов — обещанную плату важному водителю какой-то шишки, которая, по всему виду, маялась в это время у своего подъезда в ожидании персонального транспорта. — Свято место пусто не бывает...» Это он себя имел в виду.

И снисходительно улыбнулся.

Электричка до Сорок седьмого километра стояла на девятом пути. В третьем головном вагоне Сергея Николаевича ожидал один из вчерашних «подсобников» Игорек. Он сидел у окна, и возле его ног стоял футляр для электрогитары. Сергей Николаевич сел напротив. Шутливо поинтересовался настроением. Игорек ответил, что все в порядке, протянул проездной билет. Поезд между тем тронулся. Они еще поговорили о хорошей погоде, редкой в это время года, затем Игорек попрощался и вышел на Электрозаводской. «Гитара» отправилась с Сергеем Николаевичем.

Сам он сошел в Ильинской и, изображая притомившегося в Москве дачника, пешком направился по нужному ему адресу. От платформы Ильинская до дяди Вити было подальше, чем, к примеру, от Быкова, но Быково было поселком шумным — аэропорт все же! — полно милиции, да и проживающий народ хорошо знал друг друга. А вот Ильинская — типичные тихие дачи среди сосновых деревьев и старых садов за высокими дощатыми заборами. Улицы

пустынные, усыпанные прошлогодней бурой листвой, свежо пахнувшей хорошо распаренным банным веником.

В тишине и одиночестве он дошел до дачи дяди Вити, открыл калитку и направился по выложенной кирпичом кривой дорожке вокруг дома. Мастерская была пристроена вплотную к жилому помещению, и дяде Вите, чтоб заняться делом, стоило лишь перейти, по сути, из одной комнаты в другую. Но в той, другой, были свои секреты и совершенно иная, непохожая на обычную жизнь.

Дядя Витя не был просто мастером золотые руки. Он превосходно понимал, кто пользуется трудами его уникального таланта. Потому и брал спокойно, без всякого зазрения совести, большие деньги за свои труды, за смекалку, за умение придать совершенство любому изобретенному человеком оружию. А что, совесть не мучила? Так разве она свербит душу изобретателя автомобиля, который в двадцатом веке стал подлинным убийцей?! Сколько жертв невинных на счету у этого равнодушного «давителя»! И что по сравнению с ним какой-нибудь дядя Витя, в руках которого обычный серийный, скажем, карабин обретает неведомую дотоле меткость и дальноточность, а сам размещается в футляре, к примеру, обыкновенной скрипки! И если в подобных сравнениях пойти дальше, то тот же автомобиль без всякой пощады давит направо и налево не только глупых зевак, но и невинных детей, в то время как изделие рук дяди Вити убирает лишь тех, кто несправедливыми делами своими того несомненно заслужил. Во всяком случае, хотелось в это верить...

Завидев свет в кирпичной пристройке, Сергей Николаевич, согнутым указательным пальцем постучал в окно. Дверь тут же сама и отворилась, пропуская гостя в освещенное помещение, наполненное кисловатым запахом струганого и опаленного металла. Дядя Витя в круглых очках стоял возле негромко гудящего и будто чавкающего станка, списанного бог весть когда по старости. У дяди же Вити он и сверлил, и строгал, и вообще вытворял такое, чему нет и названия.

Кивком поздоровавшись, дядя Витя пальцем показал на стул, предлагая тем самым открыть принесенный футляр и объяснить, что там требовалось доработать, что дотянуть до полнейшего совершенства.

Через несколько минут дядя Витя понял, что от него требуется. На этот раз не надо было изобретать, ломать голову над тем, как придать снайперской винтовке форму инвалидного костыля. Задача была технически не особенно сложной. Надо было к снайперской винтовке, среди специалистов называемой «винторезом», сняв родной приклад, приделать складной, от АКСУ. Затем убрать магазин, так как в нем нужды нет, приделать опоры — для устойчивости во время выстрела, спилить заводской номер и, наконец, подогнать американский компактный прицел ночного видения М-937, так чтоб его было легко снять. Этим прицелом Сергей Николаевич пользовался в исключительных случаях ночной работы и дорожил им. В отличие от любого оружия. А может быть, прицел этот был для него своеобразным талисманом.

— Ты не голодный, часом? — спросил между прочим дядя Витя.

— Кофеек с утра... Пока вроде нет.

— Ну так я скажу хозяйке, — дядя Витя имел в виду свою супругу, которая никогда не лезла в его дела, — она тебе сейчас сварганит пару бутербродов. А водички себе ты и сам купишь. Там, подале, летом палатку открыли, любые тебе напитки. И давай-ка переоденься, — он показал в угол, где на вешалке висели комбинезон, телогрейка, шерстяные шапочки, стояли резиновые сапоги, — да ступай поброди по леску. Корзинку возьми, сморчков наберешь на жареху. А я тут пока покумекаю. И раньше вечера не приходи, некогда мне будет. Сумку-то свою оставь, в ней понесешь-то?

— В ней, дядя Витя.

— Вот я и подгоню. Давай одевайся да ступай себе. Подыши воздухом...

Пристрелку готового к употреблению оружия они произвели в начале седьмого вечера в темном помещении заводского склада, где к тому времени уж давно никого не было. Склад был несуразно длинный, давней постройки и к тому же полупустой. Так что там и сторожить-то было особо нечего, продукция перепрофилированного производства уходила практически с колес.

Дядя Витя принес толстое полено и положил торцом вперед в дальнем темном углу. Противоположный занял Сергей Николаевич с модернизированной винтовкой в руках. На торец бревна старик налепил мишень и, зная метод работы своего постоянного заказчика, выдал ему три патрона: два — на отстрел и один рабочий. Мишень, отчетливо видимая в прицеле, была поражена дважды и по-робингудовски. То есть вторая пуля вошла в отверстие, сделанное первой. После чего дядя Витя унес полено с собой — на растопку. А заказчик, уложив легко разобранное им оружие в сумку, отсчитал дяде Вите положенные ему пять тысяч долларов, по уговору.

Дома, в Кратове, Сергей Николаевич снова переоделся соответственно намеченной работе: темные джинсы, черные мягкие «адидасы», тонкий шерстяной свитер и серая утепленная куртка. На голове модная вязаная шапочка. Далее — сумка на плечо и снова электричка в Москву. Собственной машины, вопреки необходимости, Сергей Николаевич не имел и предпочитал видеть себя в любом автомобиле исключительно в качестве пассажира. Ну вот такой был у него своеобразный бзик или, иначе говоря, суеверие. Иметь личного водителя профессия не позволяла, а держаться за руль самому — именно так он расценивал другую форму езды в автомобиле — было противно его натуре. Всякий раз, отправляясь выполнять заказ, он, будто актер перед выходом на сцену, сосредоточивался, уходил в себя, обретая абсолютную уверенность в своих силах и способностях, а все дальнейшее оставалось уже делом техники.

Из дому с помощью мобильного он связался со вторым «подсобником», Мишей, и поинтересовался настроением и вообще жизнью. Тот ответил, что ждет гостей не раньше чем к полуночи.

Миша весь день вел скрытое наблюдение за объектом и был твердо уверен, что указанное лицо появится у гостиницы «Рэдиссон-Славянская» только в двенадцать часов. К двадцати трем тридцати, другими словами, следовало быть уже на точке.

Встречу Сергей Николаевич назначил на двадцать три у «Киевской» все в том же микроавтобусе.

Свою куртку он сменил на просторную рабочую спецовку, под которой была совсем незаметна сумка с «инструментом», а на ноги надел удобные мягкие ботинки. В таком виде он и вышел из микроавтобуса. А на Мише была одежда, напоминающая форму, в которой ходит внешняя гостиничная служба. Его место сегодня было у входа в гостиницу, откуда он должен был дать знак исполнителю, когда появится объект.

Тщательная дневная разведка показала, что больших трудностей проникновение на крышу здания вокзала не представит. С правой стороны от фасада был пристроен круглосточный «Джекпот», на крышу его вела железная лестница, которой пользовались ремонтники. На крыше меняли верхнее покрытие, и отовсюду торчали балки с колесиками талей, временные лестницы и металлические желоба для спуска замененных конструкций. Ночью там, естественно, никто не работал, но строительный беспорядок, сопровождающий всякое полезное дело, наличествовал спонтанно.

По-спортивному ловко Сергей Николаевич взобрался на крышу «Джекпота», стараясь не шуметь, проскользнул к следующей лестнице и через короткое время устроился за бортиком крыши вокзального помещения. Еще несколько минут занял процесс сборки оружия.

В прицел была отлично видна площадь перед входом в гостиницу. Чуть в стороне — будка охраны, за ней место для парковки автомобилей тех, кто останавливался в «Славянской». Левее — другая стоянка, эта для гостей, а не постояльцев. Из дверей гостиницы вышел человек

в темном, остановился на ступенях, закурил. Огонек его сигареты сделал, как бы невзначай, два круга — маленький и побольше. Значит, Миша на месте, а объект еще не прибыл.

Сергей Николаевич устроился поудобней и весь превратился в слух: любое движение на крыше означало бы для него опасность. Глаза же не отрывались от сигаретного огонька.

Внезапно он почувствовал посторонний взгляд. И не взгляд даже, а непонятное, необъяснимое внимание к своей особе, что-то определенно давящее и очень неудобное. Медленно он скосил глаза влево, чуть повернул голову по направлению к источнику опасности и... едва не рассмеялся. В нескольких десятках метров от него, над головой, распластал крылья огромный орел — один из четырех, украшающих квадратную башню главного павильона вокзала.

«Ну что, брат, пора? — пронеслось в голове. — Мы вольные птицы, да?..»

Орел, естественно, не отвечал, но хищно нависал над ним, определенно имея намерение сорваться со своего насеста и рухнуть всей огромной темной массой на затаившегося убийцу. Что-то неприятное будто шелохнулось под рубашкой на спине, как холодком потянуло. Сергей Николаевич набрал полную грудь воздуха, медленно, контролируя себя, проделал упражнение йога, задерживая воздух в груди, и, уже полностью успокоившись, снова прильнул к глазку окуляра прицела ночного видения.

Черт знает что почудится, укорил сам себя...

Миша переместился на площади перед гостиницей и закурил новую сигарету. Приблизилось контрольное время.

Сергей Николаевич старался вообще избавиться за время ожидания от любых посторонних мыслей о предстоящем деле. Слушал, как равномерными толчками сердце гонит кровь, шевелил пальцами, подобно пианисту, перед тем как он кинет их на клавиши, наблюдал за бессмысленным передвижением человеческих фигур перед гостиничным входом. Таким оно представлялось отсюда, с высоты, почти от растопыренных лап взмахнувшего крыльями орла.

Сигнал появился, как всегда, неожиданно, хотя исполнитель был готов к нему в любой момент, Миша взмахнул рукой с сигаретой и тут же начал, поплеывая на огонек, гасить ее. Другая рука его, словно нечаянно, откинулась в сторону. Глядя по направлению, указанному рукой, Сергей Николаевич увидел въезжающий за ограду «мерседес». Миша ошибиться не мог, и поэтому машина немедленно приковала к себе все внимание сидящего на крыше.

«Мерседес» сделал по площади полукруг и остановился напротив ступеней, ведущих к двери. Вышел шофер и, обойдя машину, открыл правую заднюю дверцу. Ишь ты, европейский шик! Двери-то должны открываться автоматически. Значит, особо ценят все эти «новые» и «новейшие русские» почтительное отношение к собственной персоне. А вот гостиница, похоже, еще не доросла, нет, не тянет! Ведь эту работу обязан был бы совершить швейцар, приглашая гостя, а уж тем более — постояльца.

Но и эти мысли промелькнули посторонне, не отрывая внимания от главной цели.

Из салона появилась нога в блестящем ботинке. Затем, согнувшись, выбрался крупный мужчина с квадратными плечами и короткой стрижкой.

Перед внутренним взором сидящего на крыше исполнителя немедленно возникла фотография господина Каждана, где тот был очень похож на кого-то из римских патрициев. Да, господин из «мерседеса» и был тем самым лицом. Что тут же подтвердил Миша, демонстративно сложивший руки на груди крестом.

Каждан повернулся лицом ко входу в гостиницу. Он что-то говорил шоферу, будто не торопился уйти. Его почти квадратный затылок был огромным в окуляре прицела.

Исполнитель дважды согнул и разогнул указательный палец и положил его на крючок.

Каждан не захотел повернуться лицом к своей судьбе. И не надо. Так ничего, вероятно, и не поняв, он вдруг всей массой тела рухнул, навалился на шофера. Который тоже ничего не сообразил, даже на шаг отступить не успел и потому рухнул и сам, стукнувшись затылком о каменную плиту ступени, погребенный под массивной тушей своего шефа.

Короткое время на площади у гостиницы творилось нечто непонятное: кричали невесть откуда появившиеся женщины, бежала, топоча шнурованными ботинками охрана, появилось множество посторонних людей. И все это колыхалось бессмысленной массой, передвигалось, размахивало руками.

Киллер аккуратно снял с оружия прицел и сунул его в сумку. Само оружие заткнул поглубже в кучу досок и листов железа. А сам, стараясь не делать лишних движений, будто кошка, скользнул вверх по крыше, после чего так же ловко спустился на другую сторону. Он успел оглянуться на орла, прежде чем шагнуть на ступеньку лестницы, ведущей с крыши «Джекпота» на землю. Нет, никому орел не угрожал. Просто вид делал, что страшный, а на самом деле наверняка давно устал изображать царя птиц, да и выглядел-то как один из тех, что в массовом порядке производили в былые веселые деньки на всех кавказских курортах в качестве сувениров для отдыхающих на целительных минеральных водах...

Он немного постоял в темном закутке возле лестницы и потом спокойным шагом направился вдоль вокзала в сторону гостиницы «Киевской», где был припаркован микроавтобус и куда должен был в ближайшие полчаса подойти Миша. С известием, что заказ выполнен и что теперь можно произвести расчет. Со своими «подсобниками» Сергей Николаевич никогда не торговался, более того, каждый раз добавлял тыщонку-другую за якобы отличную работу. «Подсобники» ценили такое к себе отношение и не зарывались, так как отлично понимали, что столь высоко оплачиваемую работу для себя они вряд ли когда найдут. И риска, если по большому счету, можно сказать, никакого...

Завершив все свои дела на сегодня и получив подтверждение непосредственного свидетеля проведенной акции, что выстрел достиг цели, Сергей Николаевич вручил Мише конверт с суммой на двоих плюс премию, переоделся и покинул микроавтобус. До следующей работы. Следующего заказа. И соответственно следующего телефонного звонка «подсобникам».

Метро уже закрылось, но на площади повсюду светились зеленые фонарики такси, а также было навалом частников, готовых за приличную сумму увезти тебя да хоть на край света.

Он подумал, что, конечно, мог бы блестяще завершить рабочий день в объездах Алены, но вспомнил о своем решении. Как бы там ни было, а собственных решений, принятых однажды пусть даже по случайному наитию или из упрямства, он еще ни разу не менял. Может статься, в этом заключался его постоянный успех? Хотелось бы думать...

Завтра надо будет подъехать на Белорусский вокзал и там, из автоматической камеры хранения, забрать кейс со второй половиной заработанной суммы. Возможно, что и с конвертом, в котором окажется новый заказ. Но этого не хотелось бы. Два исполнения подряд — это много даже для него, опытного киллера. Надо сделать небольшой перерыв. Махнуть куда-нибудь на юга, ненадолго, на парочку неделек. С хорошей, послушной девочкой. Отрепиться, пожариться на раннем солнышке. Попить легкого вина. Покуролесить, показать девочке, что есть настоящая беззаботная жизнь.

Но для начала надо будет посетить Центральный телеграф на Тверской и в отделе «До востребования» получить по своему паспорту телеграмму, в которой, вместе с запоздалыми поздравлениями по поводу давно прошедшего дня рождения, будет указан и номер автоматической камеры.

Ну а пока можно подумать, кого из девочек высвистать. Алена к указанным лицам уже никакого отношения не имела. С этими мыслями Сергей Николаевич подошел к веренице частников. С ними проще. Таксист завтра станет трепаться приятелям, как накануне возил за город большого «карася», а у тех тоже на языке не задержится. Другое дело — частник, ему лишние глаза и уши хуже налоговой инспекции. Кстати, и Кратово — свет неблизкий, не всякий с ходу решится. Да еще за полночь...

Глава третья

ВЕРСИЯ ТУРЕЦКОГО

«Как быстро подрастает смена!.. Или это мы в последнее время стали стремительно и необъяснимо стареть?.. Вопрос, конечно, скорее психологический, нежели философский. Кто-то верно заметил: как себя чувствуешь, так и выглядишь. И ощущения твои зависят исключительно от тебя же самого. Отсюда резюме: ты можешь управлять не только собственным самочувствием, но в конечном счете и возрастом...»

Возможно, в идеале оно и так, однако любопытно, что думает по этому поводу Олег Борисович? Нет, Лопушку это все до фени, вряд ли он задумывается о чем-нибудь подобном...»

Придя к этому несколько высокопарному выводу, Александр Борисович Турецкий поднял телефонную трубку, набрал номер и сказал:

— Олег, если ты не сильно занят, подскочи ко мне сюда, на Дмитровку.

Олег Левин, следователь по особо важным делам Генпрокуратуры, советник юстиции, сидел, как и все остальные его коллеги, в здании Следственного управления в Благовещенском переулке. Это лишь Турецкому, когда он и не был еще «генералом от юстиции», как острил его друг генерал милиции Грязнов, стараниями другого лучшего друга, Константина Дмитриевича Меркулова, заместителя генерального прокурора, была в буквальном смысле выбита привилегия иметь местом своего обитания небольшой кабинетик в главном доме на Большой Дмитровке, тогда еще Пушкинской улице. А ведь был в ту пору Турецкий таким же следователем, правда старшим. «Важняком», как говорят в миру.

Тот же Грязнов, имея в виду данную привилегию Александра Борисовича, которую, кстати говоря, каждый в Генпрокуратуре умудрялся толковать по-своему, со своей колокольни, и не всегда в пользу Турецкого, однажды высказался так:

— Это, Саня, проделано для того, чтобы ты постоянно находился у Кости под рукой. Тут тебе и первые вздрючки, и, коли повезет, царские милости.

Ну тут уж как сказать? Если с первым было всегда все в порядке, то со вторым, то бишь с милостями, что-то не получалось. Однако была и польза от такого перемещения с Благовещенского, как раз вот Костя-то и был под рукой у Александра Борисовича, то есть не было острой нужды носиться по начальству, доказывая, что ты, честное слово, не верблюд. А для дела это очень важно.

Что же касается Олега Левина, которого Турецкий попросил заскочить к себе, то этот еще недавний юноша, прозванный среди своих Лопушкой за детски пухлые губы, пушистые ресницы и вообще непозволительную для «важняка» внешнюю медлительность, начинал девять лет назад у Александра Борисовича стажером [См. роман Ф. Незнанского «Направленный взрыв»].

И вот, гляди ж ты, червонца даже не отмотал, а стал советником юстиции, иначе говоря, надел погоны подполковника. Растет молодежь, подпирает, да чего там, скоро так прямо и заявит:

— Устал, старик, вали отдыхай, а мы тут уж как-нибудь сами. Ну да, сами с усами...

Александр Борисович не сердился сейчас, тем более не злился. Он просто брюзжал. Черт-те что! Никогда не замечал за собой подобной гадости!..

А может, не хотел замечать? Этот ехидный вопросик подбросил ему внутренний голос. Он же, собственно, и подвиг Александра Борисовича на грустные размышления о старости, о бренности, о нахальной молодежи. И началось это тогда, когда Турецкий покинул Костин кабинет, вышел в приемную, а Клавдия Сергеевна, секретарша Меркулова, даже не удостоила его взглядом. И это — Клавка! Что на земле твоей творится, Господи?!

Точно, стареем... Небось когда Лопушка увидит, так сразу вся и вспыхнет, и задвигается щедрыми своими телесами, и даже чашку кофе, поди, поднесет! Как же, молодой, перспективный! Да и собой вовсе не так уж и плох. Как же все эти стареющие бабы на молодежь падки!

При слове «старость» все прямо-таки восставало в Александре Борисовиче, словно сам организм категорически протестовал против даже возможности подобного предположения. Нет, это, конечно, мазохизм — растравливать себя, казнить неизвестно за что, сомневаться в себе.

Да вот хоть и та же Клавдия. Ведь, кажется, совсем недавно сама так и млела в объятиях «дорогого Сашеньки» и такие чудеса демонстрировала, что куда им всем, этим соплячкам! А однажды дошло до того, что он в азарте завалил ее прямо тут, на этом письменном столе, и так глубоко уязвил ее чувствительную душу, что она целый месяц потом не здоровалась, не разговаривала, страдая и выдерживая характер. Столько драгоценного времени потеряла зря, балда...

Но и это, если честно, давно уже было.

Вот и Костя сегодня заметил, глядя сочувствующими глазами:

— Устал, Саня? Вид что-то у тебя не боевой...

А где тут быть боевому-то? Когда тебе всучивают заведомые тухляки? Один завалил, другой не справился, давай теперь ты, Турецкий, покажи, как надо работать! Дуракам, значит, вроде как бы снисхождение от начальства, а тебе очередная каторга.

Шлепнули в Питере крупного финансового туза, кормильца одной из новых партий, коих ныне до чертовой бабушки. Знает же Костя, что заказухи как раз профиль Александра Борисовича. Мало кто нынче способен быстро раскрыть заказное убийство, а у Турецкого получается. Так нет, посоветуй, Саня, кого, по твоему мнению, мы можем послать в северную столицу, чтоб он смог максимально быстро выйти на след заказчиков.

Вот и возмутился:

— Костя, а что, у нас, ты полагаешь, много специалистов? Или я уже ни на что не гожусь?

А Меркулов тут и сказал с сострадательным выражением на лице: вид, мол, у тебя не боевой. И про усталость добавил.

Здесь бы самое время возмутиться, но сдержал себя Турецкий и встал, чтобы уйти, обещая подумать.

— Подумай, подумай, — напутствовал его Костя, иронически глядя вслед, а Турецкий ну прямо-таки спиной почувствовал его иронию, — это тебе сейчас очень полезно!

Жаль, конечно, что не вышло с Питером. Самое бы время именно теперь, в данный исторический момент, отойти от набивших оскомину тухляков и развеяться на пронзительном невском ветру.

Так получалось, что приходилось Александру Борисовичу посещать по служебным делам Петербург либо поздней осенью, либо ранней весной, вот как сейчас. И это ощущение дождя, ветра или же холодного, слепящего солнца постоянно ассоциировалось с удачными расследованиями. Как будто одно непременно зависело от другого. Нет тут, конечно, никакой мистики, просто, вероятно, сама атмосфера создавала магическое поле, в котором мысль работала быстро и четко.

Жаль, сорвалось...

И Клавка еще добавила. Ишь ты, как повела носом! Можно подумать, он ее чем-то оскорбил. Но чем и когда? Цветочка, что ли, давно не дарил?..

Эх, Турецкий! А ведь ты и в самом деле стареешь, если забыл, что красивой женщине, и особенно той, с которой ты был когда-то близок, надо обязательно дарить цветочек! Всякий раз подтверждать, что она по-прежнему прекрасна, обаятельна, желанна и все такое прочее. И делать это искренно, а не демонстративно, чтоб другие видели. Вот ведь в чем секрет вечной молодости.

Или мудрой старости?..

— Разрешите, Александр Борисович?

Вежливый вопрос Олега, застывшего в дверях, прервал поток воспоминаний о знойных женских прелестях, густо приправленных изрядной долей самоедства.

— Заходи. Молодец, быстро. Давай выкладывай, какие у тебя в настоящий момент самые неотложные дела? Я имею в виду те, которые можно без ущерба для следствия переложить на чужие плечи.

— А в чем суть, если не секрет?

Нет, все-таки Лопушок Лопушком и останется. Или пень ты неповоротливый, а никакой не Лопух. Другой бы с одного только намека все усек и с ходу зарядил бы своих коллег. А этот — что да зачем...

— Я к тому, — по-своему истолковал молчание старшего товарища Олег Левин, — что по убийству в Большом Черкасском дело я завершил, а сейчас готовлю для передачи в суд.

Турецкий знал об этом деле: в самом центре Москвы, напротив Лубянки, среди бела дня застрелили бизнесмена из Екатеринбурга. Но, к счастью, нашлись свидетели того, что убийцы действовали нагло, в открытую. Олег, на которого повесили это дело, раскрутил его, что называется, в лучших традициях самого Александра Борисовича. Ну что ж, подрастает смена-то!

Нет, не прав Александр Борисович в отношении молодых. Не всех, но некоторых.

— У тебя помощник-то есть?

— Есть.

— Ну вот пусть он и займется оформлением. А для тебя нашлось дельце, как говорят, на сотню баксов. В Питере замочили большую шишку.

— Это Варавву, что ли?

— Смотри-ка! — удивился Турецкий. — Да ты, брат, никак газеты читаешь?

— Еще и телевизор успеваю посмотреть, — не принял юмора Олег, серьезный человек, которому теперь уж никак не подходило прозвище Лопушок.

— Молодец. Тогда вот что, дорогой Олег Борисович. Не сочти за труд, чисто по-товарищески, сбегай в Столешников, на вот тебе сотню, да купи там красивую розу. Поярче, попышнее, понял? Сегодня у нашей Клавдии Сергеевны, кажется, что-то вроде именин. Когда пойдем к Константину Дмитриевичу, ты ей и вручишь. С поздравлением. Женщины очень ценят наше внимание. А тебе, как я понимаю, надо будет сегодня же, ночным, отправиться в Питер и принять это дело к своему производству. Этот самый Варавва, по моим сведениям, старый знакомец президента Буланова. Вот и делай выводы...

Когда Олег ушел, Турецкий позвонил Меркулову и сказал, что через двадцать минут готов зайти к нему с предложением. Меркулов пробормотал в трубку нечто похожее на «угу».

Клавдия Сергеевна имела вид независимый и неприступный. Как, впрочем, каждая уважающая себя секретарша большого начальника.

Но когда Олег Левин достал из-за спины огромную пунцовую розу на полутораметровом стебле и протянул ей, она вмиг и сама превратилась в подобие этой прекрасной розы.

— Боже! — воскликнула она. — Красота какая! Это кому же?

Вопросик был наивным до дикости.

— Вам, дорогая Клавдия Сергеевна! — Олег, оказывается, мог быть учтивым до умопомрачения, а его вежливый полупоклон ну просто умилял.

— В честь чего? — окончательно изумилась Клавдия.

— Александр Борисович, — Олег чуть склонил голову в сторону Турецкого, застывшего позади него в позе Наполеона, посетившего Поклонную гору, — сказал, что у вас именины...

— Именины сердца, — слегка уточнил Александр Борисович в ответ на стремительный взгляд Клавдии. — Разве не так?

Ах, женщины! Да все они прекрасно понимают и все видят...

— Благодарю вас, Олег Борисович... — продолжала цвести Клавдия Сергеевна. — И вас тоже, Александр Борисович. Пожалуйста, проходите, Константин Дмитриевич ждет вас. Кофе выпьете? Или чаю?... Ах, какая роза! Ну мужчины!

Последняя фраза была произнесена так, что Турецкий понял: Клавдия простила и его, и всех остальных мужиков надолго. Если не навсегда.

За долгие годы совместной работы в прокуратуре Меркулов и Турецкий привыкли понимать друг друга не только с полуслова, но и с полупамятки. Поэтому, когда Александр вместе с Олегом вошли в его кабинет, он несколько удивленно посмотрел на Левина, перевел взгляд на Турецкого и вопросительно поднял брови. Турецкий молча кивнул. И на этом завершился их молчаливый диалог.

— Присаживайтесь, — показал на стулья по другую сторону огромного письменного стола Константин Дмитриевич. — Значит, ты так считаешь, Александр Борисович?

— Полагаю, лучше Олега никто с делом не справится.

— Это хорошо. Наши соображения совпали... Олег Борисович, вы уже в курсе, что сегодня вам придется выехать в Санкт-Петербург?

— Александр Борисович...

— Ну да, ну да... — Костя поднял указательный палец, вероятно, для того чтобы подчеркнуть особую важность задания, но ему помешал звонок внутренней связи.

Он снял трубку, потом оглядел присутствующих, странно поиграл бровями и ответил:

— Ну хорошо, я не возражаю.

Отворилась дверь его кабинета, и Клавдия Сергеевна внесла большой поднос с расставленными на нем чашечками кофе и подстаканником со стаканом, в котором был заварен темно-красный чай — специально для Меркулова. На тарелочках лежали печенье и конфеты, горка сахарных кубиков. Все это Клавдия торжественно водрузила на круглый стол в углу большого кабинета, как бы предлагая всем перейти от служебной к более непринужденной обстановке. После чего удалилась с победоносной улыбкой на лице.

Проводив ее недоуменным взглядом, Меркулов спросил:

— Чего это с ней? — но посмотрел при этом на Турецкого. Тот, естественно, пожал плечами, ухмыльнулся, тут же спрятав улыбку:

— Может, просто настроение хорошее... Опять же... бабье лето. Это так называется, Олег? Или, наоборот, бабья весна?

Левин лишь пожевал пухлыми губами и ничего не ответил. Меркулов окинул их подозрительным взглядом, наверняка подумал о чем-то приятном, потому что сказал:

— Ну ладно, пойдем попьем чайку-кофейку, — и поднялся из-за своего стола...

Разговор продолжился.

— Мне бы не хотелось, Олег Борисович, — говорил Меркулов, прихлебывая чай, — чтобы прокуратура выказывала при расследовании какие-либо политические пристрастия. Я говорю это для того, чтобы вы знали: питерские товарищи за убийством господина Вараввы видят определенную политическую акцию. А суть ее заключается в следующем. После раскола в стане демократов, о чем нам упорно талдычили весь прошлый год практически все без исключения средства массовой информации, один из их бывших лидеров, Андрей Болдин, как вы тоже помните, опираясь на своих петербургских соратников по Демократической партии, создал новую партию, названную ими «Солидарность трудящихся». И костяк ее составили, так надо понимать, истинные современные трудящиеся, то есть ряд крупных бизнесменов, финансистов, промышленников. Дмитрий Варавва был одним из них. Опять-таки по сведениям из Питера, он активно поддерживал партийную кассу. Вам, Олег, вероятно, придется встретиться с Болдиным в процессе расследования. И вот тут мне будет очень уместно передать вам слова нашего генерального, который не далее как вчера был вызван в Кремль, к нашему президенту,

где имел с ним весьма продолжительную беседу. О чем там у них шла речь, могу только догадываться. Генеральный же задачу сформулировал так: убийство Дмитрия Вараввы рассматривается первым лицом в государстве как акция политическая. Как дерзкий вызов криминальных структур Питера, сросшихся с нечестными госчиновниками, всей демократической общественности города. И это обстоятельство особенно тревожно, ибо произошло, что называется, накануне губернаторских выборов... Еще из сказанного ясно, что президент, вопреки уверениям прокоммунистически настроенным некоторым СМИ, вовсе не благоволит к нынешнему питерскому губернатору Алексееву. И более того, их подспудные неприязненные отношения родились много раньше, еще во времена предыдущего губернатора Саблина. С которым наш новый, кстати, работал долго и, в общем, довольно успешно.

— Извини, Костя, — вмешался Турецкий, полагая, что разговор за чайным столом решает и некоторые неофициальные вольности, — а тебе Славка не звонил?

— В смысле? — не понял или сделал вид, что не понял вопроса, Меркулов.

— В том, что он с Витей долго беседовал. С Гоголевым. Мы позже встретились, проводили Витьку на вокзале. Так вот, там имеются некоторые чрезвычайно любопытные детали.

— Мы обсудим их. Позже, — сказал Меркулов. И Турецкий понял, что он уже в курсе. — Так вот, Олег Борисович, расклад сил в Питере на сегодняшний день примерно такой. С одной стороны, как я уже заметил, партия «Солидарность трудящихся», а с другой — чиновно-криминальный альянс. Настоячиво всем нам вдалбливается мысль о старых приятельских связях губернатора Алексеева и министра МВД Панкратова... Ты это имел в виду, Саня?

— Да, — кивнул Турецкий.

— Это не факт. Но со счетов сбрасывать нельзя... Теперь что касается самого убийства. Ты ведь, Саня, уже обсуждал этот вопрос с друзьями, да?

— О киллере?

— Вот именно. Ты знаешь, я предпочитаю не лезть в оперативные дела. Пусть ими занимаются настоящие профессионалы. Вроде того же Вячеслава или твоего Гоголева. Их соображения, насколько я смог их извлечь из Вячеслава...

— А что, он уже не вязал? — улыбнулся Турецкий. — Странно, вообще-то, когда мы расставались, он был как стеклышко. Матовое такое...

— Все правильно, я так и понял. Но раз ты сам при сем присутствовал, тебе и карты в руки. Посвяти коллегу в соображения своих приятелей.

— Слушаюсь, товарищ начальник. Так вот, Олег, у питерцев сложилось убеждение, что это заказное убийство совершил известный тебе Александр Солоник. Ни больше ни меньше.

— Но это же бред! — фыркнул Левин.

— Многие так считают. Но, увы, далеко не все. Как раз Питер — исключение из общепринятых убеждений. Тебе хоть из телевизора детали известны?

— Нет, я просто как факт, не больше.

— Так вот, в пользу питерцев говорит почерк. Один выстрел и с довольно приличного расстояния. Вспомни аналогичные ситуации с Отариком, Глобусом, Бобоном, с другими.

— Но ведь есть же его могила?

— Не-а, — покачал головой Турецкий. — Была. А теперь нету. И вообще, Олежа, в этой темной истории вовсе не сказано последнее слово. А потом тот же Грязнов, к примеру, не исключает, что под Солоника может работать какой-нибудь высокий профи, этакий, понимаешь ты, суперкиллер. А почему нет? Почерк? А что, разве у нас талантливые люди перевелись?

— Ты сейчас договоришься, — мрачно пообещал Меркулов.

— Я же ничего не утверждаю, Костя, — засмеялся Турецкий, — а в данном случае, при отсутствии хоть сколько-нибудь внятных версий, любая неглупая может иметь право на существование. И потом, талант мы всегда называем талантом, даже если он и преступный. Вспомните! Талант — он везде талант...

— Что в любви, что в половой жизни, — закончил за Турецкого Левин. — Как говорит Александр Борисович.

— В самую точку, Олег! И прошу заметить: последнее не одно и то же!

— Ладно, хватит вам базарить... — пробурчал добродушно Меркулов. — Все остальные детали расследования обсудите без меня. Время у вас еще имеется. А теперь прошу внимания. Вчера ночью у гостиницы «Рэдиссон-Славянская» был убит одним выстрелом другой петербургский бизнесмен — Вадим Каждан.

— Имеются связи? — вмиг наострил уши Турецкий.

— Господин Каждан был генеральным директором того самого концерна «Северо-Запад», коим командовал Варавва, будучи его президентом. И в дополнение: снова один выстрел. Точно в затылок. И с большого расстояния, метров примерно двести-триста. Оружие убийцы найдено на крыше Киевского вокзала рабочими, которые ведут там строительные работы. Дело возбудила Московская городская прокуратура. Коли есть охота, можете съездить на Новокузнецкую и ознакомиться с протоколами осмотра места происшествия, а также заключением судмедэксперта. Может быть, это что-то подскажет, не знаю... Во всяком случае, объединять дела об убийствах президента и гендиректора «Северо-Запада» в одно производство я пока оснований не вижу. Этим Кажданом занимается «важняк» Томилин, ты его знаешь, Саня, так что если Олегу Борисовичу потребуется помощь, уж не откажи, восстанови свои бывшие связи. Да вы, по-моему, с Томилиным и не конфликтовали в ту пору, когда мы все там, на Новокузнецкой, работали.

— Нормальный был мужик... Ну маленько с гонором. Так это даже помогает, когда свидетелем проходит какая-нибудь шишка. Спесь-то ведь по-всякому сбивать приходится...

— Это верно, — вздохнул Меркулов. — Ну все, свободны. Олег Борисович, идите оформляйте командировку, я сейчас позвоню.

— А как же вы, Александр Борисович? — спросил Олег, когда они покинули кабинет Меркулова. Он не совсем понимал роль Турецкого в состоявшемся разговоре у заместителя генерального прокурора.

— Что — я? Как всегда, на подхвате! Хуже нет — чужие дела доследовать... Слышь-ка, а я бы на твоём месте все же смотался в Московскую прокуратуру. Вдруг зацепочка? Мало ли... Передай Жоре привет. Георгию Наумовичу. Он возражать не станет. Скажи, просьба Меркулова. Или моя, если хочешь. А вообще, если поедешь, я могу ему позвонить — предварить, так сказать...

— Пойду оформлюсь, а потом загляну, — деловито сказал Олег и церемонно поклонился сияющей Клавдии Сергеевне.

Когда он ушел, Турецкий сказал осуждающим тоном:

— Вот, Клавдия, до чего ты молодых людей доводишь.

— Ты бы уж помалкивал, — упрекнула в свою очередь она, — проказник!

«Ба! — подумал Турецкий. — Неужели до Клавдии докатились какие-то сильно порочащие мое имя слухи?! Невероятно!»

— Ты серьезно? — тихо спросил он, наклоняясь над ее столом.

— По поводу чего? — с вызовом спросила она.

— По поводу про-каз-ни-ка, — произнес со значением и по складам.

— Роза — это, конечно, твоя фантазия?

— А чья же еще!

— И что ты этим хочешь сказать?

— То, что ты, Клава, хорошая баба. И что я тебя люблю. И раньше любил. Причем неоднократно.

— Нахал ты, — томительно вздохнула она. — А ведь я так давно тебя не... ощущала...

Он посмотрел на ее крупное, ухоженное тело, так и рвущееся из сковывающих его одежд, и подумал: а действительно, почему бы и нет? Кому от этого станет плохо?

— Так и быть, боюсь, что ты меня уговорила. Дождись меня у служебки, где стоит моя машина. Я отвезу тебя домой, Клавдия. Зачем тебе трястись в метро с авоськами?

— Какая забота! — фыркнула было она, но вовремя поймала себя за язык: — Я согласна.

— Я надеялся на это. — Он подмигнул и вышел.

В кабинете Турецкого застал звонок Грязнова:

— Привет! Клавдия сказала, что ты у Кости. К чему пришли?

— Витино желание не исполнилось. В Питер отправляется Олег Левин, ты его знаешь. Способный мальчик. Только что закончил колосковское дело, что в Большом Черкасском.

— А-а, этого уральца?

— Его, болезного.

— Ну слава богу... Виктор просил упредить, кого пришлют. Считаешь, наш человек?

— Вполне, так и скажи. А что у тебя есть по вчерашнему, у «Славянской»?

— Ну, доложу тебе! — словно развеселился Грязнов. — Если б не наша всеобщая дурость, я бы решил, что это работа одного снайпера.

— Почему дурость? Ведь и Варавва, и Каждан, поди, друзья-приятели и руководят одной большой конторой...

— Концерном, если быть точным, — поправил Грязнов. — Но разве стрелок не мог достать обоих у них же, в Питере? Разве не дурость? И не руководят они, а уже руководили. Кстати, и пули одного калибра — девятка. А ружьецо хитроумное, тут есть о чем помараковать. Появились у меня кое-какие соображения на этот счет, но я хочу обсудить их с Дениской. Он уже однажды, помнится, работал в этом направлении...

— Напомни.

— Есть где-то у нас под боком народный умелец. Вот он, по моим представлениям, доводит инструмент до ума. И вчерашнее ружьецо не первый случай. Я поднял некоторые старые дела и увидел схожий почерк. Понимаешь, какая тут идея? Не человек под оружие, а, наоборот, оружие под человека. Киллера я имею в виду. И в этом смысле питерский Солоник, если я прав насчет дури, очень мне напоминает уже известного Македонского, как ты любишь говорить — почившего в бозе. По не до конца проверенным данным. Кстати, ты о могиле-то его в Афинах слыхал? Ну про исчезнувший памятник?

— Читал, Слава. Кто говорит — он на свалке, а кто утверждает, что под ним никакого Солоника вообще не было. Потому, мол, и мать уехала, не дождавшись похорон. Да много чего пишут... Если всему верить... А по поводу дури? Знаешь, Славка, может, и в этом есть свой потаенный смысл. Ну к примеру... Это ведь абсурдно? Бегать-то за своей жертвой по разным городам. Абсурдно. А вдруг здесь имеется расчет как раз на наше с тобой восприятие? Мы говорим: чушь, разные исполнители, просто почерк похож, а на самом деле один человек. Молодой. Шустрый. Ни с чем не связанный. Имеющий толковых помощников и, соответственно, крупные гонорары. Им сейчас сколько платят?

— Если всерьез, а не просто тещу убрать, то в среднем от пятидесяти тысяч до пятисот. В баксах, разумеется.

— А чего, можно маленькую армию содержать. Там, на крыше-то, что, все было просто? Пришел, залез, стрельнул и ушел?

— Если бы я не знал, где ты вчера был, Саня, — засмеялся Грязнов, — то решил бы, что ты выезжал с оперативно-следственной группой и сам вел осмотр. Один к одному. Что может вполне подтвердить твою мысль насчет маленькой армии. Но действовать все равно придется пока через мастера-оружейника. Это самый надежный путь. У меня эти киллеры уже во где сидят!

— А в Питере оружие пока так и не обнаружили? — Турецкий вспомнил, что Виктор Гоголев обещал поставить об этом в известность москвичей, как только что-то обнаружится.

— Пока молчат.

— Ты знаешь, Славка, после Витькиного вчерашнего рассказа у меня тоже кое-какие мыслишки появились, но давай поговорим попозже, при встрече. А мне еще Олега напутствовать. Пока.

Друзья вчера позвонили Александру из «Узбекистана» и сообщили, что были бы не против угостить его хорошим хасыпом, то есть узбекским аналогом грузинских купат, это можно было не объяснять Турецкому, считавшему этот ресторан на Неглинке своим тайным прибежищем от житейских невзгод. Впрочем, Грязнов тоже так считал.

Так вот, уже порядком захмелевший начальник Питерского угро авторучкой нарисовал на ресторанной салфетке — для большей наглядности — место действия на невской набережной, восстановленное с помощью показаний немногочисленных свидетелей. Турецкий эту салфетку — большую, крахмальную — унес с собой из ресторана. А потом, разглядывая ее, и в самом деле пришел к некоторым выводам. Со Славкой их обсуждать не было ни малейшей нужды. А вот Олегу, если он будет слушать внимательно, его соображения могут действительно помочь. Но, помимо всего прочего, Александр Борисович имел и некоторые корпоративные соображения. И Олег, по этим его соображениям, никак не должен был уронить в Питере честь Генеральной прокуратуры.

Поэтому когда Олег Борисович, оформив командировочные документы, зашел в кабинет Турецкого, надеясь на скоростях получить какие-то особо ценные указания, а затем успеть съездить в Мосгорпрокуратуру, после чего заскочить домой, собраться, ибо неизвестно, сколько времени займет неожиданная командировка, он даже несколько растерялся от предложения Александра Борисовича сесть, чтобы подробно и не забывая о времени обсудить некоторые детали предстоящего дела.

Вступление было более чем:

— К Томилину тебе, Олежка, ехать, пожалуй, незачем. Я заскочу при случае и, если увижу что стоящее, отзвоню тебе в Питер. Поезд твой уходит в полночь. Значит, успеешь переодеться, поужинать — и в дорогу. Машинку служебную я тебе закажу. Все. А теперь давай о деле.

Турецкий вытащил из ящика письменного стола скомканную ресторанный салфетку, разостлал ее, разгладил. На ней синими, кое-где расплывшимися чернилами был изображен непонятный чертеж. Прямые линии, круги, жирные точки, квадраты...

— План местности, — сказал Турецкий удивленному Левину, — изображенный собственноручно начальником питерской уголовки Виктором Петровичем Гоголевым. Для вас с ним это будет своеобразным паролем, понял? Предъявишь при встрече салфетку, и он поймет, с кем имеет дело. Ну в смысле наш человек. Это тем более важно, что ты явишься к ним в качестве варяга. Тут наши деятели решили, что подобные дела больше питерцам поручать нельзя: мол, не тянут они. Представляешь, какая обида? А тут, пардон, еще ты. Усек? Вот поэтому Витя и станет твоей правой рукой. Если ты, Олег, все сделаешь правильно...

— А может, все-таки лучше бы вам ехать? — задумчиво сказал Левин.

— Вопрос уже решен, Олег. И потом, давай пока не будем заглядывать в завтрашний день. Чем черт не шутит... Итак, площадь. Забыл ее название, и хрен с ним. Вот здесь новая гостиница. Портал, выход, ступени веером, видишь?

Левин кивнул.

— Отлично. Здесь набережная. Спуск к самой воде. А на этом месте некоторое время, говорят, стоял пароходик. Из семейства речных трамвайчиков. Стоял, стоял, да вдруг отчалил. И только его и видели. Пароходик этот, понял?

Раздался телефонный звонок. Турецкий досадливо поморщился и взял трубку.

— Слушаю, — сказал без всякой радости в голосе. — Кто?! Господи боже мой! Родная моя, прости! Работа, ну конечно, что же еще! Вот с Олегом Борисовичем сидим, обсуждаем план расследования. Он же сегодня уезжает в Питер, ну да... Да нет, зачем же, это мне Костя лично поручил, а как иначе! Я все понимаю, но — увы! Ну кому ж, как не тебе, известно-то! Вот так, жалость моя... Ага, и сладость. И радость, все вместе. Ну конечно, до следующего раза! Чтоб я?! Да никогда! Ты что, разве плохо меня знаешь?! Ну то-то! У меня, дорогая моя, слово — закон. Нет, не как сегодня, а вообще... Вот именно, настаиваю. Обещаю. Клянусь, если тебе так хочется. У-умц! — Турецкий, вытянув губы в трубочку, издал звук, отдаленно напоминавший нечто похожее на поцелуй, и, облегченно выдохнув, положил трубку на место. Увидел вопросительный, смеющийся взгляд Олега и отмахнулся ладонью: — Это все пустое, юноша, займемся делом. Итак, пароходик.

Турецкий положил обе ладони на чертеж...

Глава четвертая

ЗВЕЗДА И ТЕЛОХРАНИТЕЛЬ

За случаем не надо было охотиться, он сам свалился в руки. Получив на Центральном телеграфе поздравительную телеграмму, Сергей Николаевич отправился на Белорусский вокзал и вынул из автоматической камеры хранения очередной кейс. Усмехнулся про себя: если и дальше работа пойдет с такой скоростью, можно будет открыть небольшую лавочку по продаже кейсов.

Там же, на площади Белорусского вокзала, на скамье у памятника великому пролетарскому писателю, с тоской наблюдающему, опершись на палочку, за бесконечным движением автотранспорта по отнятой у него улице Горького, Сергея вдруг достал звонок его мобильного. А он сразу как-то и не сообразил, кто бы это мог быть, поскольку номер своего мобильного не раскрывал. Сам пользовался при острой нужде, но посторонние... А может, кто-то ошибся? На всякий случай включил связь и измененным, тонким голосом спросил:

— Эта кто-о?

— Не валяй дурака, Светленький! — раздался бодрый и близкий, будто с той стороны Тверской, женский голос. — Ты от меня нигде не спрячешься!

Сергей выдохнул с облегчением. Звонила та самая девушка, на встречу с которой при выборе подружки на недельку-другую он меньше всего мог рассчитывать. И прежде всего потому, что ее просто не было ни в Москве, ни в Питере, ни вообще в России.

Нелли Кутепова была звездой. Не из тех, которых назначают на эту весьма сомнительную должность дельцы от шоу-бизнеса ради дальнейшей собственной раскрутки, а самой доподлинной, с международным признанием. Во-первых, Нелька была действительно красавица, каких мало, а во-вторых, в никакой раскрутке давно уже не нуждалась, приобретя подлинный блеск на подиумах у покойного ныне Версаче и Валентино. В Европе за ней охотились папарацци. В России за честь постоять рядом с ней боролись видные политики и бизнесмены, отягощенные заботой исключительно о себе, любимых.

Нелька все это, естественно, прекрасно знала и видела, а обладая, ко всему прочему, еще и ярко выраженным авантюрным характером, в подобных тусовках вела себя вызывающе, не гнушаясь легкими скандалчиками, чем еще больше соблазняла всю эту общественно-политическую шушеру, полагававшую, что именно так и должна выглядеть настоящая «светская жизнь».

С Сергеем у нее были своеобразные отношения. Зная о нем то немногое, что он сам посчитал возможным ей рассказать, то есть о службе в ГРУ — Главном разведывательном управлении Министерства обороны России, о том, что и по сей день, хотя он уже ушел со штатной должности, ему приходится принимать участие в разного рода спецоперациях, чаще всего связанных с риском для жизни, ибо «контора» не любит отпускать своих бывших сотрудников, владеющих обширной информацией, о том, что в этой связи ему приходится нередко «убывать в командировки», ну и кое-что иное из области шпионско-детективного чтива, — так вот зная это все, а об остальном, разумеется, догадываясь, Нелька и сама, возможно, мечтала об увлекательной и полной книжных опасностей великой жизни Мата Хари. Но конечно, желательно, чтоб без ее трагического финала. И Сергей, чувствуя эту ее авантюрную жилку, иногда для пользы дела, но так, чтобы девушка случайно не вляпалась в ненужные ей разборки, использовал ее связи и знакомства. Она, сама возможно того не замечая, оказалась вполне приличным информатором.

А Сергей — она и знала его как Светличного, потому и называла на свой манер Светленьким, — исподволь подогревал в ней авантюрный интерес.

Но все это уже в некотором роде история. А вот откуда она сейчас взялась?

— Ты где? — уже нормальным голосом спросил Сергей.

— Интересное дело! Дома, где же еще?..

— И надолго? — Вопрос был весьма важным для него.

— Это будет зависеть от ряда обстоятельств, Светленький. И у тебя в этом недлинном ряду есть свое место. Когда увидимся? И вообще, не засиделся ли ты в своем гордом одиночестве?

— Вопрос, конечно, интересный, — с нарочитой эстрадной интонацией произнес он. — Если ты дашь мне ровно пять минут для принятия решения, я тебе перезвоню и мы договоримся о встрече. У меня тоже есть кое-какие планы относительно тебя, меня и нас с тобой. Не возражаешь?

— Жду, — коротко ответила она и отключилась.

Но для того чтобы принять решение, Сергей должен был знать собственные ближайшие перспективы. А они находились внутри кейса, который лежал в настоящее время у него на коленях.

Набрав код, он поднял крышку и увидел свой гонорар.

Сергей прикинул: по пять тысяч долларов в каждой упаковке. Всего десять штук. Правильно, вторая половина. Но больше всего его обрадовало отсутствие конверта. Это означало, что он получал передышку. Вероятно, Патриарх, единственный человек, с которым Сергей имел дела в Питере, снизошел к долетевшим до него мысленным мольбам киллера и разрешил немного развезаться. Потому что обычно конверт с очередным заказом вручался вместе со второй половиной гонорара. Сроки исполнения устанавливались отдельно. Как и обговаривались все прочие условия. Для этого и существовал менеджер Акимов, денно и нощно дежуривший у телефона. Но всех этих промежуточных контактеров Сергей предпочитал не видеть и не встречаться с ними даже в крайних случаях. Вот тут уж точно: береженого и Бог бережет.

А Патриарха знал. Савелий Иванович Монахов занимал в питерской воровской иерархии высший пост не по возрасту, он был не так уж и стар: шесть десятков еще не тот срок, чтобы рваться на пенсию. И уж какая там пенсия, если половина жизни прошла, что называется, в местах не столь отдаленных, да и три ходки как-то трудно назвать трудовым стажем, обеспечивающим прожиточный минимум, подаренный государством. Монах — так звали его до того, как он удостоился клички Патриарх, — и не стремился сесть на шею бедному государству. Образно выражаясь, он никогда и не слезал с нее. Но Патриархом он стал за ум и железную хватку, с помощью которой привел к послушанию немалую часть питерского криминалитета, неустанно осваивая новые территории и уже в открытую диктуя свою волю властям предрежащим. Он щедро платил нужным людям, а те, в свою очередь, обеспечивали его безопасность и снабжали необходимой информацией. В нем, оказывается, все больше нуждались, поскольку видели — Патриарх устанавливает порядок. Точнее, стремится к нему. Такой порядок стоил недешево, но если говорить по правде, то он и стоил того. Власть, бизнес и криминал, по мнению Патриарха, наконец-то обрели зримое триединство. И главную заслугу в этом Савелий Иванович сознательно отводил себе. Он умел договариваться. Не со всеми, нет, оставались откровенно бандитские группировки, объединявшие идейных «отморозков», но к ним Патриарх никакого отношения не имел. И даже отчасти гордился этим.

Известность, а пуще того — слава в криминальном мире зарабатывается сугубо индивидуальным путем. И однажды Сергея нашел посланец Патриарха, после чего профессиональный снайпер, обладавший целым рядом прочих, весьма важных достоинств, начал работать исключительно на одного заказчика. И работы оказалось немало. Причем хорошо оплачиваемой. Более чем хорошо.

Отсутствие конверта в кейсе говорило прежде всего о том, что Патриарх был доволен, ибо его недовольство опять-таки показал бы очередной конверт с одной какой-нибудь напеча-

танной на принтере строчкой вроде: «Что ж так-то?» Было подобное однажды, в самом начале совместной работы, когда акцию пришлось повторить: объект случайно выжил.

Или же у Патриарха в настоящее время просто не было под рукой подходящей работы для высокого профессионала. По мелочам Сергей не разменивался. Потому и гонорары его начинались с пяти ноликов.

Ну а раз так, то звонок Нелли пришелся как нельзя вовремя. И Сергей уже без каких-либо сомнений набрал на мобильнике ее петербургский номер.

Пока шли долгие гудки вызова, он снова вернулся к мыслям о ней.

Кутепова... Нет, она не имела отношения к громкой фамилии белогвардейского генерала, которого в тридцатом году в Париже похитили чекисты и о дальнейшей судьбе которого знали только в ведомстве Менжинского, в ОГПУ. На модные нынче вопросы о возможных родственных связях Нелли всегда отвечала со смехом: «Мы даже не однофамильцы», имея в виду старый еврейский анекдот: «Цыперович, вы не родственник того Цыперовича, который сбежал за границу?» — «И даже не однофамилец!»

Но дело в том, что предки Нелли были люди довольно состоятельные. В послеблокадном Ленинграде у Кутеповых сохранилась старая квартира, которой, к счастью, не коснулись ни фашистские бомбы, ни местные мародеры. И все это досталось Нелли в наследство после смерти родителей. Они все же успели поставить дочь на ноги, дать ей хорошее филологическое образование, знание французского и английского языков, как то считалось весьма пристойным и даже обязательным в старых петербургских семьях. Ну а все последующее стало уже делом ее собственных рук, ума и настойчивости. Плюс, конечно, удачи.

Познакомился с Нелли Сергей донельзя просто. Как-то посреди зимы у него случился простой, и он использовал его для повышения своего культурного уровня — стал ежедневно ходить в Эрмитаж. Там и встретился с девушкой, которая проводила экскурсии с иностранцами, говорящими по-английски. Зная язык, Сергей присоединился к иностранцам, желая познакомиться главным образом с обаятельным экскурсоводом. Что и произошло на третий или четвертый день. Оказывается, Нелли просто заменяла заболевшую подругу, а сама она к служащим Эрмитажа никакого отношения не имела. Интересный молодой человек, буквально пожиравший ее восторженными глазами, но не делавший никаких попыток немедленно заткнуть девушку в постель, ей в конце концов даже понравился. А после двух-трех ресторанных вечеров, во время которых ее окружало его молчаливое обожание, а также моментальное исполнение любых ее маленьких прихотей, Нелли, следуя советам древних, вспомнила, что лук с постоянно туго натянутой тетивой однажды перестает быть грозным оружием и привела молодого человека с повадками опытного любовника в свою берлогу. Где он и остался на все дни, отведенные ему для передышки. Вот тут уже они познакомились настолько близко — теснее, как говорится, некуда, — что Сергей решился открыть ей часть своей запутанной биографии. А у Нелли начинался новый этап в жизни: она недавно умудрилась пройти отборочную комиссию, приглашавшую российских девушек для работы в престижных европейских Домах моделей. Разумеется, впереди была еще школа, изнурительные занятия, постижение сокровенных тайн подиума. Но этого Нелли не боялась, трудиться она умела, а ее деловой хватке мог бы позавидовать и зрелый бизнесмен. Она и добилась своего: уже в следующем году ее пригласил — подумать только! — сам Джанни Версаче. Это был необычайный взлет! А после нелепой гибели великого кутюрье последовало приглашение от Валентино. На мировой небосклон возшла новая звезда...

— Ты хочешь сообщить о своем решении? — без всяких предисловий начала она.

— О положительном решении...

— В смысле — положил? — захохотала она.

— Вас потянуло к импотентам, мадам? — смеясь, осведомился Сергей.

— А что, и среди них встречаются достойные... собеседники! С одним из таких я, кстати, недавно довольно близко познакомилась.

— И кто же он — этот достойный собеседник? — с нарочитой суровостью спросил он.

— Ха! А ты, полагаю, наверняка его знаешь. Бывший наш питерский губернатор Саблин. Вообще говоря, я думала о нем хуже. Нет, именно поговорить он мастер. Но это все ненужные подробности. Так ты сейчас где?

— В настоящий момент возле Белорусского вокзала в Москве. Но уже через сорок минут буду в Шереметьеве. Так что, если у тебя есть желание, можешь меня встретить в Пулкове с первым же рейсом.

— Вот это я понимаю. «Ты свистни, себя не заставлю я ждать...» А у тебя что-нибудь скоротечное? Или мы сможем чуть-чуть оторваться?

— Все будет зависеть исключительно от тебя, дорогая.

— Все, что зависит от меня, дорогой, — язвительно подчеркнула эта излишне самостоятельная «мадам», — выполняется быстро и качественно. В отличие от некоторых... подполковников. Тебя, кстати, еще не повысили?

— Я из тех, дорогая, кого можно повысить разве лишь до перекладки. С которой спускается веревочная петля. Это не я, это один остряк заметил, еще в позапрошлом веке.

— Ну хорошо, оставим этот вопрос для более позднего обсуждения. Я тут, памятуя о своем обещании подыскать для нас что-нибудь подходящее, кое-что наметила. Тебе будет интересно. Поэтому я встречу тебя в Пулкове, а потом мы сразу подьем в одно местечко. Кажется, тебе должно понравиться...

Он вспомнил, что однажды попросил Нелли как личность известную теперь в питерских высоких кругах приглядеть приличный особнячок, который можно было бы отреставрировать и превратить в уютное гнездышко. Не вечно же ошиваться по всяким кратовским дачам. И если Нелли удалось обнаружить что-то подходящее, это было бы в самый раз. Деньги есть, а процесс оформления у умных людей много времени не занимает. Нелли к тому же превосходная «крыша», к которой вряд ли у налоговых органов возникнут вопросы: от ее доходов на Западе интересы сотрудников главного российского налогового господина Салтаганова никак не страдают, а значит, и пара-троечка «зеленых лимончиков», истраченных на покупку дома, подозрения не вызовут...

— Ты умница, моя дорогая. И последний вопрос: я тебя узнаю?

— Ну ты и нахал! Неужели ты думаешь, что за последние два месяца я так постарела?!

— Напротив, безумно похорошела! Хотя я и не уверен, что такое вообще возможно. Всякий раз, встречая тебя, дорогая, я больше всего боялся ослепнуть.

— М-да-а? — протянула она. — Тогда советую на всякий случай напялить темные очки, — безапелляционно заявила безумно самонадеянная девушка. В России почему-то, прикидывая возраст на глазок, принято всех незамужних называть девушками, ну а Нелли как нельзя лучше подходила под эту возрастную категорию, в то время как сама довольно успешно разменяла третий десяток. — Пока-а?..

И это ее много обещавшее «пока» миг изобразило перед мысленным взором Сергея такие красочные перспективы, что впору было немедленно хватать первое же попавшееся под руку такси.

Он так и поступил. Но только неторопливо и с достоинством. Зная, что «его» от него никуда не уйдет.

Предупреждение об очках оказалось весьма нелишним, ибо Нелли была на редкость ослепительно красива. Что Сергей немедленно отметил, гася в себе невольную ревность. Взгляды мужиков были более чем красноречивы. А Нелли словно купалась в этих знойных потоках немого обожания.

Вообще-то Сергей предпочитал как можно реже появляться в ее обществе, поскольку взгляды, направленные на нее, невольно обращались к ее спутнику, а вот последнее никак не устраивало его: профессия требовала осторожности и определенной безликости. Впрочем, он всякий раз надеялся, что его достаточно стандартная внешность заранее определяет ему роль телохранителя, охранника, а таких людей обычно не замечают. Точнее, не фиксируют на них своего внимания. В конце концов, он охраняет всего лишь тело, а не душу красавицы с весьма, надо сказать, раскованными манерами. Вот, вероятно, и считали все эти «жирные кошельки», по большей части явившиеся миру из плодородных кавказских долин, что важнее всего соблазнить душу блестящими посулами, а тело само упадет в руки, куда ж еще!..

Однако купание купанием, а знойная навязчивость раздражала. Потому, наверное, и первый миг встречи как-то скомкался. Обнялись почти по-семейному, она запечатлела на его щеке родственный поцелуй, подхватила под руку, и они почти бегом покинули здание аэровокзала. На платной автостоянке сели в ее «пежо», и Нелли в стремительной манере вырулила на шоссе, ведущее не в город, а совершенно в противоположную сторону.

— Куда это ты меня?

— Едем, тебе должно понравиться, — не объясняя, бросила она, оставляя позади одну машину за другой. Наконец смиростивилась: — Это недалеко, меньше двадцати километров. В Павловске.

— Чего это тебя в резиденцию русских царей-то потянуло? Зов дворянских кровей?

— Сейчас ты у меня доостришься... — зловеще пообещала Нелли.

— И что будет? — усмехнулся Сергей.

— А то, что я сверну вон в тот лесок, и ты так никогда не узнаешь, что тебя могло ожидать в Павловске.

— Ну что ж, — беспечно заметил он, — умереть в твоих объятиях — пожалуй, самое достойное, что могла бы предложить мне завистница судьба. Я не возражаю. Сворачивай.

— Ага! Дождешься! Как же! Нет, Светленький, я буду казнить тебя медленно, до-олго, я тебя всего выпотрошу, выверну наизнанку, превращу в сухой лист, который разве что в профиль будет напоминать одного моего любовничка. Я тебя...

— Будем считать, что я испугался. Но давай поступим разумно: казнь не станем отменять, а просто отложим до возвращения в город и тогда посмотрим, может, преступник достоин снисхождения? Вдруг он еще на что-нибудь сгодится?

— Испугался? Трус! Вы все, мужики, трусы порядочные...

— Все — это кого ты еще имеешь в виду?

— Поймал... Нет, просто меня иногда заносит.

— Есть веская причина?

— Как тебе сказать, Светленький, и есть, и нет. Иногда устаешь от крутой жизни, хочется чего-то иного...

— Просто отлично! — засмеялся Сергей. — Лучшего объяснения и я бы не мог придумать. Принимается. Давай посмотрим, что ты там приглядела, решим проблему, а потом я тебе сделаю одно маленькое, но, надеюсь, приятное предложение. Идет?

Она испытующе уставилась на него. И Сергей не выдержал первым, сдался.

— На дорогу смотри!.. — И после паузы стал рассказывать: — А я недавно был тут, в Питере, без тебя. — Он не стал уточнять, когда и при каких это случилось обстоятельства. — Освободился вечером, вот и отправился в Петергоф... В Петродворец, — поправился он. — Побродил, посмотрел... Подумал, что все это дело было бы гораздо интереснее, если бы вдвоем с тобой. Я люблю слушать, когда ты рассказываешь про старину... К чему, думаешь? А вот если бы можно было купить хороший дом, я бы, наверное, предпочел Петродворец. Что скажешь?

— Круто задумано! — теперь уже засмеялась она. — Но, боюсь, это не по карману... Впрочем, если бы такой вопрос стоял передо мной, я, не задумываясь, выбрала бы Царское Село...

Они как раз проезжали через Пушкин, бывшее Царское Село, наблюдая просыпающуюся после долгой зимней спячки истинную красоту.

— А на это, — спросил Сергей, кивая в сторону величественного здания Лицея, — хватит кармана?

— Я думаю, на то, что ты увидишь сейчас, должно хватить. В крайнем случае, придется тебе помочь. Не возражаешь?

— С чего бы это я стал возражать, дорогая? Да и вообще, как тебе известно, все мои планы касаются в первую очередь тебя...

Двухэтажный особняк, находившийся в глубине старинного парка и обращенный фасадом к какому-то безымянному притоку речки Славянки, в добрые старые времена, по словам Нелли, принадлежал любовнице императора Павла княжне Малаховой. Классическая строгость эпохи удачно сочеталась в нем с уютными интерьерами апартаментов, к сожалению стараниями многих поколений доведенных до уровня обыкновенных коммунальных квартир. В настоящее время дом, лишенный всех необходимых удобств, пустовал, грозя превратиться в мрачный вертеп для бомжей. Зданию требовалась срочная реконструкция. Восстановить интерьеры в первоначальном их виде было уже невозможно, время потрудились, чтобы история обрела состояние ветхости. Но если не браться за все сразу, а восстанавливать по частям, то княжеский особняк в конце концов можно было бы превратить в отличное жилье. Собственно, коммуникации издалека тянуть не надо, необходимо восстановить уже имеющиеся и пришедшие в негодность из-за человеческого небрежения. Ну а потом...

Осмотр помещений в сопровождении сотрудника жилищно-эксплуатационной конторы, на балансе у которой числился дом, не вызвал активных положительных эмоций у Сергея. Когда он мысленно прикинул, во что обойдется реконструкция, реставрация и прочее, у него как-то отпала охота владеть подобными особняками.

У Нелли же новый осмотр — а она здесь уже побывала дважды и даже умудрилась побеседовать с управляющим строительной конторой — вызвал заметное воодушевление. Не сильно обращая внимание на пессимистическое выражение лица своего спутника, Нелли, как заправский бизнесмен и знаток всяческих строительных премудростей, задавала профессиональные вопросы, касавшиеся капитального ремонта фасада, сантехнических работ и прочего, чем вызывала заметное уважение долговязого и худощавого чиновника, тот отвечал с достоинством и полнейшим уважением к собеседнице: будущая хозяйка — и этим все сказано. Одним словом, заказывала музыку здесь она, а Сергей, по его собственному выражению, представлял всего лишь «жирный кошелек». Или чековую книжку. На худой конец — толстую барсетку.

Когда осмотр и беседа подошли к концу и они вернулись к щеголеватому Неллиному «пежо», сотрудник жилконторы неожиданно предложил свои услуги в качестве доверенного лица на весь восстановительно-строительный период. Нелли поинтересовалась, чем вызвана эта просьба, на что молодой человек ответил, что сам он, собственно, родился и вырос в этом доме, что живы еще люди, которые помнят, как тут все было раньше. И уж если и в самом деле возрождать малую жемчужину из павловской короны, то лучше всего руководить этим делом профессиональному архитектору, кем он и является по образованию.

Предложение было несколько неожиданным, настолько и интересным. Нелли переглянулась с Сергеем, и он несколько обескураженно, ибо был абсолютно не готов к принятию любых решений — как положительного, так и резко отрицательного, — смешался и кивнул, словно бы соглашаясь.

— Принимается, — мгновенно отреагировала Нелли. — Детали обсудим самое позднее послезавтра.

— Завтра, — мрачно поправил ее Сергей.

— Почему? — удивилась Нелли.

— Потому что послезавтра мы можем оказаться где-нибудь на Лазурном берегу.

Нелли оценила ответ, помолчала с минуту и широко развела руки в стороны.

— Вот видите, Александр Иванович, — значит, завтра. Но вам же теперь придется взять на себя и все, что касается оформления, всю эту юридическую казуистику. Впрочем, доверенность и прочие необходимые документы вы получите уже завтра. Приезжайте в Питер, вот адрес. — И она протянула молодому человеку свою визитную карточку, отпечатанную на золоченом пластике.

В мире большого бизнеса нет места кадровикам из отставных полковников, решающих твою судьбу, там есть хозяин (или хозяйка), говорящие «да» или «нет». Вот что понял из всего происшедшего Александр Иванович Затопин, еще недавно молодое дарование, обуреваемое мечтами о возрождении красоты, а ныне мелкий чиновник, подписывающий и перекладывающий с места на место никому не нужные бумажки. Удача сама прыгнула ему в руки в лице этих новых буржуев. В конце концов, что бы с ними ни произошло когда-нибудь потом, а маленький дворец княжны Малаховой его стараниями обретет вторую жизнь. И потомки однажды скажут ему спасибо...

Он проводил глазами сверкающий алыми огнями заграничный автомобиль и, вздохнув, еще не веря своему счастью, отправился в контору подбирать документы, которые понадобятся ему во время новой работы...

А в «пежо» тем временем шел свой разговор.

— Ты не поторопилась? — без всякой обиды на то, что его «женили», спросил Сергей.

— А ты против? Так бы сразу и сказал.

— Нет, что ты... — пошел на попятный Сергей. — Я просто не был готов к столь скоропалительному решению... И потом, я думал, что мы с тобой просто въедем в красивый дом, где все уже стоит на своих местах, а нам останется лишь осваивать многочисленные ложа — под балдахинами и без оных — как понравится. А здесь, вижу, и конь не валялся... Откуда эта идея?

— Ты не поверишь, — хмыкнула Нелли, — мне подсказал ее Саблин.

— Когда? Теперь уже, после возвращения из Франции?

— Ну познакомились-то мы гораздо раньше, еще в Париже... — как-то не очень охотно отозвалась Нелли. — Но то знакомство ни к чему не обязывало...

— А что же, значит, появились уже и обязательства? — с иронией спросил Сергей. Это-кое партнерство его никак не устраивало. Хотя та же Нелли высказалась по поводу бывшего губернатора Санкт-Петербурга вполне однозначно.

— Нет, и, пожалуйста, не мечи искры, нечего ревновать. У нас не только ничего не было, но и не могло быть. Хотя должна тебе заметить, что если бы не его болезни...

— Он что, сифилитик?

— Нет, — живо откликнулась Нелли, — и даже не филателист! У него сердечная недостаточность, причем в ярко выраженной форме. Ему вообще ничего нельзя делать. А он книги пишет, выступает, занимается политикой...

— Ага, и чего ж это он с таким «здоровьем» в губернаторы-то метит? Я слышал, он собирается всерьез выдвигать свою кандидатуру. И это после того, как его с треском посадили на предыдущих!

— Ну мне он говорил, что это как раз у Алексева и было нечисто. Что Москва и местные бывшие партийные кадры вкупе с питерским криминалом завалили его кандидатуру. А то бы прошел.

— Как же, как же... Знаешь, Расскажи-ка мне о нем, что он за человек? — Сергей спросил без всякой задней мысли, просто чтобы поддержать беседу в длинной дороге. Потому что

никаких решительно симпатий к этому известному демократу, одному из основателей демократического движения, Сергей, как и всякий бывший военный, как большинство из них, ни малейшего почтения да и вообще какого-либо пиетета не испытывал. Просто спросил, а Нелли стала рассказывать, совершенно не придавая значения своему рассказу.

И начала она с того, что это именно Саблин посоветовал ей выкупить особняк княжны и довести его до ума. Сейчас он стоит копейки, но если подойти к делу умно — а каким образом это сделать, уж он-то подскажет, — то, когда закончится реставрация, особняку в буквальном смысле цены не будет. Саблину были ведомы планы иностранных фирм, готовых даже и не купить, а лишь взять в аренду, чтобы восстановить согласно первоначальному облику старинные дворянские дома и усадьбы в России, после чего разместить в них свои офисы. Так что в любом случае, если Нелли когда-нибудь и передумает жить в доме княжны, продать его она сможет за сумасшедшие деньги.

Грамотная постановка проблемы лишний раз убедила Сергея, что раздававшиеся в адрес Саблина во время прошлой выборной кампании обвинения в коррупции и откровенной спекуляции жильем имеют под собой почву. Он, видишь ли, и знает, и умеет, и где что лежит в курсе, ну, золотой человек при большой сердечной недостаточности. А в общем, жулик — он жуликом и останется, в какие бы одежды ни рядился...

Тема иссякла сама по себе. Сергей перестал внимательно слушать, а Нелли, заметив это невнимание, перевела разговор в иную плоскость.

Кажется, кто-то намекал на Лазурный берег, как на один из возможных вариантов? Ну и что, это очередной блеф или дружеский розыгрыш?

Лазурный берег возник так же спонтанно, как и согласие на покупку княжеской развалины. Но объяснять все это в настоящий момент Нелли было бы верхом безрассудства. И Сергей сказал, что идея устроить совместный отдых где-нибудь в райских краях копошилась в его мозгах давно, да все времени как-то не было. А сейчас он рассчитывает на две недели покоя. Вот и делай выводы, дорогая...

С другой стороны, неожиданная покупка и все с нею связанное требуют наличия определенной суммы, которая обозначится, видимо, в ближайшие день-два. О самой сумме беспокоиться, разумеется, нет нужды, но одновременно возникают некоторые проблемы, которые также придется решить в темпе.

Ну, к примеру, миллионом баксов он в настоящее время располагает, хотя тот дом и трети не будет стоить. Но как говорится, лиха беда начало, и во что обойдется реставрация, один черт знает. Значит, к сказанному накинь вдвое, для начала. Покупателем будет, конечно, выступать Нелли, ибо у нее все абсолютно чисто с налогами, платить же будет он, Сергей. Сложившиеся уже отношения вполне устраивают обоих, менять их ни он, ни она не собирались, а вообще говоря, ему очень подошла бы роль ее телохранителя, в особых ситуациях подающего полезные советы... Но все это следует обсудить с утра и на свежую голову. Хотя он сильно сомневался, что головы с утра будут у них действительно свежими...

Нелли поймала его красноречивый взгляд и втопила педаль газа с таким азартом, что у Сергея едва не хрустнули шейные позвонки...

Утром, плескаясь в душе, она вдруг сообщила ему, что давно не испытывала подобной душевной и телесной облегченности. А он, валяясь на широченном лежбище, молча кивал, улыбаясь и вспоминая изысканные ночные позы своей гениальной любовницы. И еще он подумал, что прогулка на Лазурный берег, в сущности, ничто по сравнению с тем проектом, который — с его первоначальной подачи, кстати, — возник в умной головке Нелли относительно княжеского особняка. Однако ни от первого, ни от второго отказываться теперь не было смысла.

Придя к такому решению, он снова вернулся мыслями к Нелли, к бурной прошедшей ночи и неожиданно расхохотался.

— Что с тобой? — донеслось из ванной.

— А ты выгляни! Вот удивишься!

— Ну что еще меня может сегодня удивить? — Она появилась в дверях с полотенцем вокруг стройных высоких бедер, встряхивая мокрой своей каштановой гривой, уставилась на него. — О! — И рот, и янтарные глазищи ее округлились. — Кажется, я не рассчитала свои силы... Нет, милый, этот номер у тебя не пройдет. Победить сегодня должна я!

Глаза ее продолжали разбрызгивать золотые искры, ноздри напряглись, как у породистой кобылицы. Полотенце упало к ее ногам, а сама, явно ведь утомленная, чертовка, проказница, вытянувшись, поднявшись на кончики пальцев, и медленно пошла к нему потрясающей походкой королевы подиума.

Она оказалась все-таки излишне самоуверенной и потому встретила свой миг победы отчаянным воплем, после чего окунулась в нирвану. А вот он, ловко опрокинув тяжелое и безвольное тело очаровательной девушки на спину, деловито и чинно продолжил собственные утехы и скоро добился того, что она, сонно приоткрыв глаза, констатировала:

— Сумасшедший... Победил слабую девочку и радуешься?..

Получив полнейшее удовлетворение, он откинулся, благо места хватило бы на целый эскадрон гусар летучих, и стал размышлять о том, что надо будет устроить так, чтобы Нелли познакомила его как бы невзначай с этим Саблиным. Если тот знает, что и как делается в этом мире по части приватизации собственности, грех не воспользоваться этими знаниями. А взятки ведь все равно давать надо, так уж лучше с умом и по делу — дешевле на круг обойдется.

Глава пятая

ОШИБКА РЫЖЕГО МЕХАНИКА

Олег не думал, что его кто-то станет встречать. И очень удивился, когда увидел на перроне подходящего к нему рослого милицейского полковника. Наверняка, подумал, это и есть тот самый лучший питерский сыщик Виктор Петрович Гоголев, о котором говорил Турецкий. Значит, позвонили, предупредили...

— Олег Борисович? — приветливо спросил полковник и в ответ на кивок Левина протянул руку: — Гоголев.

— Да, — улыбнулся Олег, — Александр Борисович мне много о вас хорошего рассказывал.

— Да? — словно бы удивился Гоголев.

Вопрос ответа не требовал. Гоголев посмотрел на маленький чемоданчик Левина и с почти незаметной иронией спросил:

— Надеетесь быстро разобраться в деле?

— Хочется надеяться. Но почему вы так решили?

— Багажа, вижу, не взяли. Или есть?

— Нет, здесь все.

— Понятно, — снова двусмысленно хмыкнул Гоголев и обернулся к шедшему сзади сержанту милиции: — Володя, помощь не нужна, возвращайся к машине. — А потом сказал и Левину: — Тогда пойдемте потихоньку. Ваши просили меня по возможности ввести вас в курс дела...

Из недолгого рассказа начальника уголовного розыска Петербурга явствовало, что в городе и, естественно, в области шла настоящая криминальная война. Началась она не сегодня и даже не позавчера, а в те далекие уже дни, когда из Кремля долетел известный клич: «Берите суверенитета сколько унесете!» Но суверенитет — это власть, а власть без экономики — ничто. Вот и пошел великий передел собственности. Государственные предприятия за гроши уходили в частные руки. Криминальный бизнес сотрясаясь от внутренних разборок, при этом любой победитель немедленно обращал свой алчущий взор на власть. В житейский обиход стремительно вошли новые понятия, присущие прежде исключительно уголовному миру, такие, как «замочить», «опустить», всякие «стрелки» и «разборки», характеризующие опять-таки как нельзя лучше взаимоотношения новейших бизнесменов со своими партнерами или конкурентами. А сами «взаимоотношения» приобрели теперь абсолютно уголовный характер: пуля, бомба и похищение стали решающим аргументом в споре, а чаще всего единственным и наиболее простым способом разрешения любого конфликта. Один из ведущих в стране регионов в области науки, промышленности и культуры, Северо-Запад превратился в самый бедный, живущий на дотации соседей. Казнокрадство и коррупция достигли небывалого, немыслимого уровня. Что с особенной силой проявилось в период губернаторства Родиона Алексеевича Алексеева, пришедшего к власти на волне патриотического движения. Конечно, среди главных его тезисов, которые должны были определить дальнейшую политику в регионе, являлись борьба с коррупцией, с уголовщиной, поддержка честного, легального бизнеса, помощь немощным старикам и детям, забота о культуре... Чего только не было сказано на многочисленных митингах! Чего не обещано уставшим от жалкого существования обывателям! И люди снова поверили в «честную власть». И снова, как уже случалось не раз, были подло обмануты. Продолжались разборки, убивали бизнесменов и банкиров, госчиновников и директоров предприятий. Убивали всех, кто становился на пути у оборзевшего криминала. Последние громкие убийства двух питерских предпринимателей в Петербурге и Москве, по сути двух главных

руководителей крупнейшего в регионе концерна, есть не что иное, как прямой вызов уголовной власти и уголовного мира всем тем, кто требует, чтобы власть принадлежала гражданскому обществу. И в городе уже есть такая сила, есть партия, объединившая и ведущих политиков, и бизнесменов, и промышленников, и просто честных людей...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.